

Праздник на выезде

Автор:

[Дарья Сойфер](#)

Праздник на выезде

Дарья Владиславовна Сойфер

Счастливые истории Дарьи Сойфер

Они встретились в холле отеля «Равенна». И это оказалось началом конца. На следующий день отец выставил Глеба на улицу, а Алину уволили с работы с волчьим билетом и отсутствием перспектив вернуться в профессию.

Казалось, их встреча испортила жизнь обоим. Привычная жизнь рухнула, и на осколках, похоже, невозможно построить новую.

Романы Дарьи Сойфер уже полюбили тысячи читателей. Ее героини, смешные, неловкие, но в то же время сильные и смелые, вдохновляют многих девушек на кардинальные перемены в жизни.

Больше классных книг с дополнениями и бонусами от автора в новой серии «Счастливые истории Дарьи Сойфер».

Дарья Сойфер

Праздник на выезде

С благодарностью Диане —

близкому другу, прекрасному провизору, дилеру вдохновения и проводнику в радужный мир фармацевтики.

А если стал порочен целый свет,
То был тому единственной причиной
Сам человек: лишь он – источник бед,
Своих скорбей создатель он единый.

Данте Алигьери «Божественная комедия»

Глава 1

– Пусть катится ко всем чертям! Вконец оборзел! – Громогласные вопли отца прорвались сквозь пелену похмельного сна и обрушились на Глеба чугунным молотом.

Впрочем, воплями дело не ограничилось. Не успел Глеб прийти в себя после шумовой атаки, как мозг свело от холода и что-то потекло за шиворот.

– Камон, пап... – простонал Глеб и с усилием приоткрыл левый глаз. – Давай не сейчас...

Одного взгляда на отца хватило, чтобы понять: нет, разговор отложить не удастся. В такой ярости отец был лишь однажды – когда Глеба арестовали на Ибнице несколько лет назад за порчу фонтана на городской площади. Ну... Как порчу. Несчастный случай. И вообще, у той машины явно были проблемы с управлением. Но теперь-то какая муха укусила отца? Да, вчерашние возлияния отбелили Глебу память, и что там стряслось на мальчишнике Макса, он не помнил, но знал наверняка: в Москве в феврале не найти ни одного работающего фонтана. Так что и психовать отцу, по идее, было совершенно не с чего.

Глеб вытер мокрое лицо одеялом и покосился на пустое ведро для шампанского в руках отца. Ох, не к добру так вздулись его вены и побелели костяшки пальцев. Не станет же он бить этой жестяной родного сына?.. И потом, двадцать пять лет – поздноато для порки, нет?

– Кирюша, ему плохо! – Мама встревоженно выглянула из-за отцовской спины. – Сынок, где у тебя аспирин?

– Не кирюшкой мне здесь! – отрезал Рудаков-старший и рывком сдернул с Глеба одеяло. Брови, припорошенные сединой, поползли наверх, отец потянулся к узлу галстука и как-то странно задышал. Шумно и хрипло, как Дарт Вейдер.

Тела своего Глеб с похмелья почти не чувствовал, а потому папиной реакции испугался не на шутку и резко присел, чтобы себя осмотреть. На первый взгляд все было в норме: ни ран, ни синяков, ни спонтанных татуировок. Глеб выдохнул с облегчением. Как-то он с друзьями накурился в Сеуле и набил себе на предплечье иероглифы, а потом выяснилось, что это строчка из меню местной забегаловки. Сводить было долго и больно. К счастью, теперь ничего нового на себе Глеб не увидел, если не считать нескольких пятен краски.

– Не парься, пап, это легко отмоется.

Но отец сжал побелевшие губы и кивком указал на соседнюю с Глебом подушку. На ней покоились женские ноги. И вроде бы в самом этом факте не было ничего жуткого, женских ног в Глебовой кровати перебивала уйма, причем некоторые из них вместе с хозяйками Рудаков-старший обнаруживал лично, пока не купил сыну отдельную квартиру, но эти... Они лежали себе ровнехонько, как в гробу. Неподвижные ноги в черных колготках и туфлях на каблуке.

Глеб вздрогнул. Версию с манекеном он отбросил сразу. Во-первых, до такого розыгрыша никто бы из его друзей не додумался, уж скорее сам Глеб подкинул бы кому-нибудь куклу ради хохмы. А во-вторых, слишком уж острыми показались ему колени. Все же производители манекенов предпочитают более изящные формы. Поэтому пришлось признать: ноги на подушке принадлежат человеку. Вот только живому ли?

Как проверять пульс человека на запястье, Глеб видел в кино, а что делать со ступнями... Или лучше не оставлять отпечатки пальцев на случай, если это все

же место преступления?

- Она хотя бы жива? - Глеб аккуратно потыкал лодыжку - ничего.

- Ты меня спрашиваешь?! - Рудаков-старший схватился за сердце. - Дожили! Теперь мой сын еще и убийца!

- Кирюша, твое давление... - заволновалась мама и вытащила из сумки плоскую коробочку с таблетками. - Давай мы сейчас подышим, валидол под язык...

- Валидол морально устарел, - раздался из-под одеяла глухой женский голос как раз в тот момент, когда Глеб попытался снять с ноги туфлю.

- Сынок, кто это? - Мама едва шевелила губами от ужаса.

По правде сказать, ответа Глеб и сам не знал. Отбросив туфлю на пол, он медленно тянул на себя одеяло, сантиметр за сантиметром приоткрывая обладательницу ног и познаний о валидоле. Нет, Рудаков-младший обожал сюрпризы и острые ощущения, а больше всего в своих днях рождения любил этот сладостный миг предвкушения и неизвестности, который всегда сопровождает разворачивание подарков. Но сегодня предвкушения никакого не было. Скорее что-то среднее между «только бы не страшненькая» и «хорошо бы не чокнутая».

Первая молитва была услышана. Под одеялом в позе Ленина в мавзолее лежала девушка не старше самого Глеба. В скромном деловом костюме она казалась типичным представителем офисного планктона, но опытный взгляд Рудакова-младшего мгновенно считал под плотной дешевой тканью не самую плохую фигурку. А вот насчет чокнутости Глеб уверен не был. Потому что говорить она продолжала, не открывая глаз:

- Наша компания разработала препарат нового поколения, и это не просто седативное и сосудорасширяющее... - Она зевнула и лишь после этого соизволила наконец проснуться.

- Доброе утро. - Глеб всегда умел быть галантным с дамами.

Но вместо того чтобы оценить его владение этикетом или хотя бы из вежливости ответить, девица соскочила с кровати с прытью, свойственной только испуганным кошкам и белкам-летягам, и попятилась, припадая на босую ногу.

– Что вы делаете в моем номере?! – пробормотала девица, зачем-то приглаживая прическу. Бесплезно: то, что некогда было пучком, теперь больше напоминало клок волос, вынутый из слива в душе.

– Вообще-то это мой номер. – Глеб не сдержал улыбки, уж больно забавно его гостя тарасила глаза и прикрывала полностью одетую грудь. Как будто нашелся бы в этом мире хоть один умалишенный, способный посягнуть на эту помятую с бодуна «красоту».

– Твой номер?! – встрял отец. Тот факт, что ноги в постели Глеба оказались вполне себе живыми, подействовал на Рудакова-старшего лучше любого валидола. – Твоим этот номер будет, когда ты хоть копейку на него сам заработаешь! И что ты такой довольный, я понять не могу?! – Отец вышел из оцепенения и снова навис над Глебом: – Ты где эту шмару взял? В аптеке украл или это такие ролевые игры?

– Прошу прощения! – Девушка наконец взяла себя в руки и оскорбленно вздернула подбородок. И хотя колготки ее были разодраны, узкую черную юбку покрывали пятна, а одна туфля потерялась во время прыжка с кровати, глаза так и горели праведным гневом. – Я здесь по работе!

– Ну вот... Глебушка, мы же обсуждали с тобой, как опасно связываться с... эм-м-м... с ночными бабочками! – Мама вздохнула и скорбно качнула головой, а затем повернулась к незнакомке: – Не волнуйтесь, мы все оплатим. Вы карточки принимаете? – в маминой руке блеснула платиновая «Виза».

– Я?! – задохнулась девушка. – Я из «Викрам Фармасьютикалз»! И если б я не спешила сейчас на конференцию...

Глеб не дослушал. Его будто за шиворот выдернули из реальности и бросили назад во времени, во вчерашний мальчишник Макса. Точно! Он ее вспомнил! Внизу, в фойе отеля, она тем же самым тоном отчитывала паренька с ресепшен. Память вернулась не полностью, но и этого крошечного осколка Глебу сейчас хватило.

Они с ребятами как раз привезли Макса на мальчишник в банкетный зал отеля «Равенна». А напротив проходила какая-то международная конференция... Или форум... Табличка еще такая стояла зеленая. То ли фармацевты, то ли фармакологи, если это вообще не одно и то же... И Глеб как раз хотел что-то уточнить на ресепшен, но эта девушка так яростно отчитывала администратора, что Рудаков невольно заслушался. Вчера она выглядела совсем иначе. И пучок был такой гладкий-гладкий, как пончик в зеркальной шоколадной глазури. Кажется, ей дали меньше номеров, чем нужно. Для каких-то чуваков из Индии. И к ней еще потом подрулил низенький усатый индус, видно босс ее, потому что она тут же залебезила перед ним... Как же она говорила? Господин По... Пу... Пуджари! Именно, Пуджари! А он в ответ назвал ее...

- Алина! - выдохнул Глеб радостно.

Ха! Вспомнил все-таки! Пусть и не до конца и не во всех деталях, зато теперь он был уверен, что не опустился вчера на самое дно и не вызвал, как выражается мама, «ночную бабочку». Более того, умудрился как-то снять фармдиву, эту офисную воительницу, а таких побед в его послужном списке пока не значилось. А он красавчик! Одно дело - подцепить девушку, которая изначально настроена отрываться на полную катушку, другое - отвлечь от работы трудоголичку. Новый уровень, господин Рудаков, принципиально новый уровень. Вспомнить бы еще, как именно ему это удалось... И почему она так и не разделась. Может, у них была офисная ролевушка?..

- Откуда вы знаете мое имя? - нахмурилась Алина.

Глеб развеселился еще больше. Кажется, не он один был сегодня не в ладах с памятью.

- Зачем же так официально, - протянул он. - Мы с тобой довольно близко познакомились...

Ее лицо потешно вытянулось, брови взметнулись вверх. Боже, да это лучшее похмельное утро! Приключение, о котором можно поведать потомкам. Ну, не раньше их совершеннолетия, разумеется.

– Да сколько можно! – Отцовское терпение лопнуло неожиданно и громко. С ним всегда было как с воздушным шариком: знаешь, что рванет рано или поздно, но все равно пугаешься. – Ты! – Папа трясущимся пальцем указал на Алину. – Пшла вон! И имей в виду – ни копейки от меня не получишь! А ты... – Палец переместился в сторону Глеба. – Оденься уже и чтобы через пять минут был внизу в ресторане.

Дверь за Рудаковым-старшим захлопнулась с такой силой, что модная абстракция над кроватью печально завалилась набок. Мама, как и следовало ожидать, засемила за мужем, она всюду следовала за ним, чтобы в нужный момент послужить бампером между врожденной гневливостью супруга и окружающими. Напоследок бросила на Глеба взгляд, полный родительского укора, встала на цыпочки, чтобы поправить картину, и бесшумно исчезла в коридоре отеля.

А Глеб все ждал, что теперь, наедине, Алина устроит ему допрос с пристрастием. Девушек ведь хлебом не корми, но дай с утра после секса вскрыть парню мозг на темы «кто мы друг для друга» и «куда нас приведет новая ступень отношений». Однако Алина как будто вовсе забыла о существовании Глеба. Вместо того чтобы, краснея, расспрашивать, что именно случилось вчера ночью, она сосредоточенно изучала пол под ногами. Стесняшка? Что-то новенькое.

– Я понимаю, тебе неловко, – покровительственно начал Глеб и потянулся: именно ради таких моментов он терпел трижды в неделю пытку фитнесом, не говоря уж о муках депиляции. При виде его рельефного и гладкого, как морской валун, торса у девиц сбивалось дыхание, а взгляд затуманивался. – Ты смущена и гадаешь, как смогла захомутать такого парня...

Но Алина даже не подняла на него глаз, а молча опустилась на колени и нырнула под кровать.

– Я гадаю, – донеслось до Глеба, – где моя вторая туфля. Есть! – непрошибаемая девица вылезла на свет божий, победоносно сжимая находку.

Вот тут-то Алина наконец соизволила обратить на Глеба внимание. Медленно, будто смакуя увиденное, она скользила взглядом по его роскошному прессу ниже и ниже, туда, где едва держались на бедрах пока не застегнутые джинсы.

И как знать, может, зря он их вообще натянул?.. Если эта девица сейчас, сгорая от вожделения, накинется на него дикой кошкой, он возражать не станет.

На лице Алины, впрочем, отразилось далеко не вожделение, скорее обеспокоенность.

– Ты ведь не из «Байзера»?! – нахмурилась она. – Я тебе ничего вчера не рассказывала про кардиомин?

– Кардио... что? – опешил Глеб. – Слушай, не из какого я не из «Байзера». Я – Глеб. Глеб Рудаков... – Он протянул руку, но она отмахнулась от него, как будто он предлагал ей рекламную листовку.

– Не важно. У меня в десять конференция, и мне надо срочно привести себя в порядок. Черт! – Она вытащила телефон и всплеснула руками. – Сел! Ты не в курсе, который час? Если повезет, подзаряжу на ресепшен... Еще распечатать речь... Завтрак! Господи, Пуджари просил завтрак в номер...

– Полпервого, – Глеб злорадно ткнул в настенные часы.

У Алины аж кровь от лица отхлынула. Таких бледных людей Рудаков-младший видел только в немом кино и даже ощутил укол совести, но тут же напомнил себе: это ее проблемы. Никто же не виноват, что она зациклена на работе! И вообще – это невежливо трепаться про офисные глупости наутро после свидания. Так что если кого в этом номере и должна мучить совесть, то уж никак не его, Глеба.

– Полпервого... – слетело с ее побелевших губ.

Она заметалась по номеру с такой скоростью, что у Глеба зарябило в глазах. Никогда прежде он не видел, чтобы кто-то одновременно причесывался, чистил зубы крошечной складной зубной щеткой и оттирал пятна с костюма. Подумать только: в ее сумочке нашлись специальные влажные салфетки от пятен! Запасным колготкам и дезодоранту Глеб уже не удивился.

Не прошло и пары минут, как Алина вылетела из комнаты, бормоча себе под нос заготовки извинений. Конечно, Глебу было неприятно, что она не соизволила

попрощаться, но все же он мысленно снял шляпу перед ее способностью к регенерации. Пили они одинаково, но Глеба сейчас укачивало даже от ходьбы неспешным шагом, а она ускакала, как жеребенок, впервые выпущенный на зеленые пастбища. Еще умудрилась при этом сносно выглядеть – чем не дар, достойный комиксов Марвел? Хотя... Она ведь работает в этом «Как-там-его Фармасьютикалз». Кто знает, какой препарат для бодрости они раздают сотрудникам?

Как бы то ни было, Глеб ей завидовал. Ни одна разборка с начальством не сравнилась бы с нравоучениями Рудакова-старшего. Правда, трудовая книжка Глеба сияла девственной чистотой, и после универа он не успел еще попробовать себя в работе, но коротких наблюдений в офисе отца хватило, чтобы понять: его гнев всегда страшнее, а главное – несправедливее директорского. Сотрудников защищает Трудовой кодекс, весь этот офисный этикет и прочие китайские церемонии. А кто встанет на защиту Глеба? Виноват он, что ли, что не успел еще найти себя в этом бескрайнем океане возможностей? Работа должна быть по душе, не ради зарплаты же изматывать себя с утра до ночи, отказавшись от всего прекрасного, что есть в этом мире.

Взять отца: ему всего шестьдесят стукнет в феврале, а у него уже гипертония, тахикардия и бог знает какой еще букет от остеохондроза до подагры. Вот какой нормальный родитель захочет такой же участи своему единственному отпрыску? Ответ – никакой. Стало быть, Рудакова-старшего нормальным назвать было никак нельзя. Нет бы устроил себе детокс, поехал куда-нибудь в спа-отель, травки какие попил от нервов! А ему заняться больше нечем, кроме как бегать за Глебом и орать почему зря.

Любой другой на месте Глеба уехал бы, минуя неприятный разговор. Но такова уж тяжелая сыновья доля: время от времени давать папе всласть прокричаться. Ведь если бы Глеб не устраивал отцу периодическую эмоциональную разгрузку, того бы непременно хватил инфаркт. Но разве хоть кто-то скажет за это простое человеческое спасибо?

Сетуя на несправедливость мироздания, Глеб накинул на голое тело пиджак и как был, в отельных махровых тапках, направился вниз, в ресторан. Да, прошло уже чуть больше пяти минут, но это даже к лучшему: отец наверняка успел перекусить и немного успокоился.

В фойе «Равенны» царило небывалое для воскресного утра оживление. Туда-сюда сновали люди в униформе. И не в какой-то одной, а в самых разных: мелькали зеленые логотипы клининговой службы, синие спецовки строителей, оранжевые каски, красные куртки стекольщиков – словом, настоящий бразильский карнавал для бедных. Глеб с удовольствием глазел бы на эту движуху и дальше, если бы в холле не было так зверски холодно. И какому придурку, интересно, пришло в голову менять стеклянные стены в феврале? Надо будет оставить им отрицательный отзыв.

– Эй! Как вас! – Глеб подманил к себе паренька с ресепшен, кутаясь в пиджак. – Что вы тут устроили?!

Паренек, едва завидев Глеба, изменился в лице. Он раскрыл рот, закрыл и снова разинул, будто забыл, как обращаться с нижней челюстью. Пробубнив что-то про менеджера, паренек попятился и исчез в подсобке.

Глеб озадаченно поскреб подбородок. Вчера мальчишка за стойкой показался ему бодрым и куда более юным, сегодня же на его висках серебрились седые волосы. То ли накануне работал младший брат этого невротика, то ли просто изменилось освещение.

И точно! Глеба шарахнуло новым воспоминанием. Вчера в самом центре фойе красовалась необъятная хрустальная люстра. Настоящий водопад из хрусталя. Как там Алина выразилась... «Как будто кого-то вырвало стеклом». Глеб рассмеялся. Ее ведь прямо зациклило на этой люстре. Они еще пили текилу, а она так соблазнительно слизывала соль с запястья... Он все гадал, как бы намекнуть на продолжение банкета и затащить ее наверх, в номер, но Алина не сдавалась ни в какую. Глеб еще подумал тогда, что у нее, наверное, редкая устойчивость к этиловому спирту. Потому как сам он уже видел окружающий мир в легкой искрящейся размытости, а она сидела за барной стойкой и упорно интересовалась, как же бедные горничные моют треклятую люстру.

В конце концов Глеб не выдержал и потащил ее на ресепшен. Ну конечно! Как он мог забыть? Ведь он лично вчера пытал этого администратора насчет люстры. Тот что-то монотонно нудел, как диктор из навигатора. «Бла-бла-бла, я не владею информацией, бла-бла-бла...» А потом... Глеб напрягся изо всех сил так, что будь мозг мышцей, то раздулся бы как минимум вдвое. А потом... Потом Алина над ним смеялась, а он ведь что-то придумал... И это было столь же просто, сколь и гениально. Глеб запрокинул голову, внимательно разглядывая то

место, на котором вчера красовалась люстра. И в памяти бегущей строкой всплыла гениальная мысль его собственного сочинения: «Чтобы что-то помыли, надо это что-то сначала испачкать...»

– Ну что, нравится? – резкий отцовский возглас бесцеремонно оборвал сеанс Глебовых воспоминаний. И ведь надо было! На самом интересном месте!

– Блин, пап... Ты вроде в ресторане собирался меня ждать...

– И я ждал. Минут сорок. Но...

– Кирюша, ну что ты! Всего двадцать семь минут, я засекала. – Мама втиснулась между сыном и отцом в отчаянной попытке остановить надвигающуюся бурю. Но было поздно.

– Таня, не сейчас! – взвился Кирилл Андреевич и переставил жену в сторону, словно та весила не больше настольной лампы. – Хватит его защищать! Я спрашиваю: тебе нравится?! – Последние слова, обильно сдобренные слюной, были обращены уже к Глебу.

– Да что именно? – Глеб отшатнулся, прогнувшись назад точь-в-точь как тогда, на гавайской вечеринке с однокурсниками, когда они играли в лимбо.

– Вот это вот все, что ты тут устроил! – Рудаков-старший очертил рукой фойе.

– Я-то здесь при чем?! – искренне возмутился Глеб. – Почему я знаю, зачем они тут все разворотили?

И этот вопрос стал его фатальной ошибкой.

– Они?! ОНИ?! – заорал Кирилл Андреевич с такой мощью, что, виси здесь до сих пор хрустальная люстра, она разлетелась бы на мириады осколков. – И ты смеешь врать мне в лицо?!

– Я не...

– Не перебивай! Ты хоть знаешь, сколько я заплатил, чтобы они тут все починили после твоих игрищ?! Сколько мне стоило отмазать тебя от полиции?

– У нас что, теперь еще и за мальчишник сажают? – Глеб усмехнулся. С тем же успехом он мог бы заявиться на корриду, размахивая красной тряпкой.

– А тебе все шуточки, да? – Отец схватил Глеба за грудки и встряхнул. – По-твоему, я до старости буду платить за твои гулянки? Вот я в твоём возрасте...

Глеб зажмурился. Со слов «я в твоём возрасте» всегда начиналась самая зубодробильная из папиных нотаций. Длинная, как список кораблей в «Илиаде», и такая же адски нудная.

Рудаков-старший, переливаясь алыми пятнами, будто хамелеон в маковом поле, распинался, как в свои двадцать пять приехал в Москву один-одинешенек, и денег у него с собой было всего-то на дюжину беляшей. Но вместо того чтобы эти беляши съесть, юный тогда еще предприниматель умудрился распродать их на Арбате китайским туристам вдвое дороже. После беляшей были аудиокассеты, потом – видеопрокат, плееры, DVD, всякое технобарахло, – и вот, пожалуйста, теперь он не абы кто, а Рудаков Кирилл Андреевич, владелец сети магазинов электроники.

– И я ни копейки не тратил на развлечения! – Отец вдохновенно шел по накатанной. Глеб мог бы синхронно с ним раскрывать рот, повторяя каждое слово, но не рискнул, слишком уж сильно вздулась вена на папином лбу. – А все ради чего? Чтобы ты после моей смерти разбазарил все в первый же год? Да я лучше оставляю все деньги какому-нибудь фонду защиты сибирских выхухолей!

– Кирюшенька, пожалуйста... – Мама повисла у мужа на локте.

– Нет! – рявкнул Рудаков-старший. – Это была последняя капля! Больше он не получит от меня ни-че-го! Слышишь? Даже хлебную корку!

Глеб напрягся. Вообще говоря, отец и раньше угрожал лишить его наследства, но что-то подсказывало: сейчас это не просто угрозы.

– Пап, да ладно тебе... – миролюбиво улыбнулся Глеб. – Не нагнетай!

– Карту.

– Что?

– Карту пластиковую давай сюда!

– Но пап...

– Кирюшенька...

– Я сказал: карту! – Голос отца эхом разнесся по фойе «Равенны», и люди в униформе стали удивленно оборачиваться на источник звука.

Нет, Глеб любил, конечно, бывать в центре внимания, но не так. Пришлось доставать из внутреннего кармана любимую банковскую карточку. Слово с мясом от себя отрывал! А смотреть, как папа остервенело ломает ни в чем не повинный пластик, было и вовсе невыносимо.

Глеб отвернулся. От вида осколков его слегка затошнило, как студента-медика на первом занятии в морге. Ничего. Все еще наладится. Карточку еще можно будет выпустить, отец переберется, а пока Глеб продаст любимую «ламбу». Купит, прости господи, какую-нибудь «бэху», поедет месяц-другой. Будет трудно, но живут же люди в тяготах и лишениях!

– Ключи от машины, – скомандовал отец. Прямо мысли Глеба услышал, не иначе.

– Не-е-ет... – У Рудакова-младшего кольнуло в груди. Вот так люди и умирают от инфаркта!

– Кирюшенька, но на чем ему тогда ездить? – жалостливо взмолилась мама. – В метро сплошные вирусы! Рассадник бацилл! Нельзя ему...

– Ничего, я ездил – и он сможет! – отрезал Кирилл Андреевич. – Я на свою первую «четверку» кровью и потом заработал! – Он выхватил у сына ключи, лишая жизнь одного красок и смысла.

– Но он же твой родной сын! – Мамины глаза влажно заблестели.

– Если он мой сын, тогда пусть идет по моим стопам. – Отец упрямо стиснул челюсти. – Я смог сделать состояние из ничего. Теперь его очередь, – и он развернулся на каблуках и зашагал к выходу.

– В смысле? – Глеб догнал папу. – Мне что, беляши идти продавать, чтобы ты успокоился?!

– Мне плевать, что ты там будешь продавать! Хоть почки! – Кирилл Андреевич остановился и бросил под язык шарик валидола. – У тебя три месяца. Заработаешь за это время первый миллион – добро пожаловать домой. Нет – что ж. Значит, нет у меня больше сына. На вот, – он пихнул Глебу тысячную купюру, – твой стартовый капитал.

Глеб еще долго стоял на сквозняке, забыв про холод, и разглядывал сине-зеленую бумажку с изображением Ярослава. Вертел ее в руке, будто видел впервые. Потом заставил себя расправить плечи, улыбнуться – и подозвал одного из рабочих.

– Простите, – вежливо осведомился Глеб. – Вы не подскажете, где тут поблизости можно купить беляши?

Глава 2

Больше всего на свете Алина Белкина ненавидела две вещи: опаздывать и тех, кто опаздывает. Она не верила в отговорки, и только смерть или катаклизм были для нее достаточно уважительной причиной, чтобы не прийти вовремя. Пусть в колледже и институте над Алиной посмеивались – надо же быть такой дурой, чтобы прийти за полчаса до первой пары! – она всего лишь берегла свои нервы. Никто ведь не знал, что по ночам отличницу Белкину мучил повторяющийся кошмар о том, как она бежит куда-то и отчаянно не успевает.

Кошмар оказался вещим. Алина не сразу поверила, что весь этот ужас происходит с ней наяву. Опоздать на три с половиной часа! Она будто видела себя со стороны и не могла смириться с тем, что эта разгульная помятая девица – и есть Алина Белкина во плоти. Ее покачивало то ли от голода, то ли от

выпитого алкоголя, то ли от животного страха. Будь это уместным, она бы прямо в конференц-зале упала перед индийским шефом на колени, посыпала голову пеплом и попросила нещадно и показательно себя высечь, но вряд ли остальные участники форума обрадовались бы такому зрелищу. Впрочем, скорее всего, они сочли бы его презентацией нового психотропного препарата.

Алина не просто готовилась к разносу, она его ждала, как ждет земледелец дождя после долгой засухи. Пусть Пуджари лишит ее премии! Пусть накричит, так ей и надо! Может, хоть это приведет ее в чувство и научит больше никогда – в смысле, вот вообще никогда и ни при каких обстоятельствах, – не брать спиртного из рук незнакомца.

Какая муха ее вчера укусила? Да, стресс. Но ведь вся ее работа только и состояла из нервотрепки! Ты можешь быть каким угодно педантом и перфекционистом, но если тебя окружают безалаберные идиоты, то все усилия могут рассыпаться прахом в любую секунду. Сколько раз она заказывала такси, а водитель приезжал не туда? Сколько раз предупреждала кейтеринговую службу перед корпоративом, что у ее шефа аллергия на арахис? И те все равно от души посыпали несчастными орехами чуть ли не каждое блюдо. А неверная кодировка флешки с презентацией? А потерянная скамеечка для выступлений? Глава «Викрам Фармасьютикалз» страшно комплексовал из-за низкого роста и без своей скамеечки для публичных речей впадал в панику.

Словом, путаница с бронированием в «Равенне» была для Алины вполне себе штатной неприятностью и уж никак не поводом для нервного срыва. Более того, у Алины в сумочке имелись прекрасные препараты на любой жизненный случай: от усталости, депрессии, тревожности, головной боли и бессонницы. Она могла бы принять их все, потом с утра догнаться кофеином и ровно в девять ноль-ноль снова приступить к рабочим обязанностям. А вместо этого Алина, словно девчонка в период пубертата, поддалась феромонам смазливой мажора и очнулась в его постели после полудня.

Она знала, что Пуджари уже ненавидит ее за то, что остался без завтрака, за то, что она не прослушала репетицию его речи перед выступлением, не проверила свет и звук в зале. И все же никто в тот момент не смог бы ненавидеть Алину Белкину сильнее, чем она сама. Все усилия насмарку! Теперь ей еще минимум год торчать в должности ассистента, вместо того чтобы приступить наконец к работе по специальности. А как будут разочарованы родители!..

В зал для конференций Алина заходила, повинно опустив голову. План был таков: проскользнуть на свободное место с краю, затаиться и ждать, пока израильский спикер сойдет со сцены. И все бы получилось, если бы ноги, еще слегка ватные после вчерашней попойки, не зацепились одна за другую.

Падение было громким и эффектным, как новогодний залп на Красной площади, спасибо столику с бутылками питьевой воды. Мгновение – и весь свет мировой фармацевтики узрел падение Алины Белкиной. Она готова была принять свой позор с честью, – ведь то, что не убивает, делает сильнее, – но дальше произошло нечто совсем уж из ряда вон выходящее.

Публика начала перешептываться, словно в зале собрались не почтенные бизнесмены и ученые, а сплетницы из старшей школы. Очаги насмешек вспыхивали то здесь, то там, сливаясь во всеобщую эпидемию хохота. Алина предполагала, что рухнула довольно комично, но ведь не до такой же степени! Она не потеряла юбку, не выронила грудь, не поскользнулась на банановой кожуре и не легла лицом в торт, или чем там еще клоуны смешат публику до икоты. Так что же развеселило этих солидных людей? Неужто вчера ночью Алина успела натворить что-то спьяну? Пора бы усвоить простую истину: не научилась пить к двадцати пяти – не стоит уже и пытаться.

– Алина?! – прогремело над залом.

Она не сразу увидела шефа: господин Пуджари даже стоя не сильно возвышался над спинками кресел. Как столь мощный, почти оперный баритон помещался в таком небольшом тельце, оставалось для Алины загадкой с первого ее рабочего дня в «Викрам Фармасьютикалз». Слушая Пуджари с закрытыми глазами, легко можно было представить себе эдакого дородного дядечку метров двух ростом.

Сказать, что Пуджари был в гневе, – все равно что назвать шедевры Рембрандта симпатичными скетчами. Его темная макушка мелькала между рядами, стремительно приближаясь к Алине, и что-то ей подсказывало: еще пара шагов, и этот индийский пакман заглотит ее, даже не поперхнувшись.

– Как ты смеешь приходить сюда?! – Пуджари больно сжал ее локоть и выволок из зала.

Алина съежилась. Пуджари вел дела в Москве больше десяти лет и владел русским в совершенстве. Такие грубые речевые ошибки он делал в двух случаях: когда боялся за свою жизнь во время очередного приступа аллергии или когда был чем-то взбешен. И сейчас Алина не видела никаких симптомов анафилактического шока.

– Простите за опоздание, – выпалила она, когда дверь в конференц-зал закрылась за ними и приглушила хохот толпы.

– Опоздание?! – Пуджари свирепо засопел. – Ты... Как это... Shame... Стыд! Позор!

Алина сглотнула. На ее памяти Пуджари еще ни разу не забывал слова.

– Я оступилась... Там, наверное, провод был.

– Ты не представлять, как оступилась! Ты убить нас! Репутация! Интернет, видео!

– Какое видео? – Алина всерьез испугалась за психическое здоровье шефа.

Да, ее снимали на телефон несколько человек, когда она вставала, но сам момент падения не успел бы снять даже Флэш. И потом: как неловкость одной ассистентки может погубить репутацию компании? Вот и оставляй Пуджари без присмотра после этого! Может, на нервной почве перепутал успокоительное с тестовым образцом нового лекарства от бессонницы? Ребята в лаборатории хотели избавиться от проблемы сна без сновидений и слегка перестарались. Ну, как слегка... Глюков, которые описали испытуемые, хватило бы на новый роман Стивена Кинга.

– Ты не знаешь? – Пуджари так удивился, что к нему вернулся дар говорить по-русски. – Я подозревал... Ты принимала таблетки? И алкоголь?

– Только алкоголь. Кажется... – Алина наморщила лоб в мучительной попытке вернуть воспоминания.

Перед глазами всплыло лицо Глеба, и было оно почему-то синим. Нет, не метафорически, а по-настоящему синим, как у того хвостатого парня из «Аватара». Ах да! Синий свет! Эти дискотечные огни, и еще громкая музыка... Они были на вечеринке! С кучей парней. Сабантуй футбольной команды? Нет-нет, что-то другое. Они еще пили не чокаясь, и кто-то сказал: «В последний путь, Макс!» И все заржали. Вряд ли же похороны... Откуда на похоронах стриптизерша? Она еще подошла к Алине с претензиями, мол, это мой мальчишник, коза... Ну конечно! Мальчишник! Сборище великовозрастных недорослей, которых и мужчинами-то назвать язык не повернется. И Глеб там был главным заводилой. Нет, женился не он. Точно не он. А то не хватало еще сорвать чью-то свадьбу...

Алина мотнула головой, заставляя себя сосредоточиться. Как и, главное, почему она докатилась до выпивки? Пуджари ведь просто поручил ей осмотреть банкетный зал. Сказал, что ему нравится этот отель, и неплохо бы мартовский корпоратив провести именно здесь. Алина пошла, она всегда выполняла поручения. И наткнулась на мальчишник. И на Глеба. Он еще пытался флиртовать с ней на ресепшен, но там ей удалось отшить его без особых сложностей. А в зале он был как рыба в воде. Все эти классические заходы алкашей про «выпей за жениха» или «ты же не хочешь его обидеть». Слово то же самое, что и «ты меня уважаешь», только мягче. Она отпиралась, это Алина помнила хорошо. Уже собиралась уйти, но он перехватил ее, как партнер по танго, лихо развернул к себе. И было в этом что-то такое... Элегантно-обаятельное. И еще ямочки на его щеках. И колючий подбородок. И потом он попросил: «Один бокал. Или ты боишься не устоять?» Ну как было после такого не утереть ему нос? И чтобы он не усомнился, что ей начхать на него три раза, выхватила у него бокал с мартини, выпила залпом и закусила оливкой. И эта оливка показалась чересчур горькой...

Только не это... Алина неверяще моргнула и уставилась на шефа. Язык не поворачивался расписаться в такой непроходимой глупости. Взять у незнакомца напиток, сожрать не пойми что... А вдруг бы он нафаршировал ту оливку цианидом?

– Интересно, – кофейные глаза шефа блеснули и сощурились. – Что-то из группы амфетаминов? Но амнезия... Вероятно, авторский состав.

Алина узнала этот взгляд. Порой Пуджари забывал о бизнесе и прочей мирской суете, и в нем просыпался истинный ученый, служитель своего дела. Именно на

такие случаи он держал при себе Алину: она стала его правой рукой, ниточкой, которая не давала гениальному разуму улететь за пределы земной орбиты. Но сейчас Белкина была даже рада, что Пуджари снова воспарил, ушел в царство формул и химических соединений. Она понятия не имела, что натворила вчера, и ухватилась бы за любую возможность все уладить, пока шеф не вспомнил о ее проступке.

– Если хотите, я попробую привезти образец, – Алина вытянулась по струнке, как солдат, готовый к бою. – Или могу поехать сдать кровь! Прямо сейчас. Двадцать четыре часа еще не прошло. Только закажу вам обед и...

– Нет, обед – это лишнее, – Пуджари задумчиво покачал головой.

– Тогда сразу кровь? – Она бы сдала целый литр, лишь бы шеф простил ее. Ну а что? История знает немало успешных искуплений кровью.

– Мне жаль, но нет, – индус вздохнул. – Ты ведь больше у нас не работаешь.

Он сказал это таким будничным тоном, словно сетовал на черствый хлеб или пасмурную погоду. Одним вздохом перечеркнул последние два года ее жизни и жалел при этом вовсе не Алину, а упущенный шанс изучить ее анализы под микроскопом.

– Но я... Это всего одна ошибка!.. – Она перехватила шефа у самой двери в зал. – Послушайте, я не знаю, что я там вчера сделала, но ведь наверняка это можно как-то исправить...

– Только один способ. – Пуджари посуровел, видно, загадка Алининой таблетки его отпустила. – Смени профессию. – Он уже открыл дверь, но в последний момент обернулся и произнес странную фразу: – Вся правда о лекарствах. Шок-контент.

Алина не сразу поняла, что это означает. И лишь когда Пуджари скрылся в зале, до нее начало мало-помалу доходить: шеф имел в виду видео из интернета, которым она как-то угробила репутацию «Викрам Фармасьютикалз».

Вообще-то Белкина никогда не страдала медлительностью, напротив, преподаватели с самого первого класса хвалили ее за цепкий ум. Задачи по химии она щелкала как орешки, курсовые сдавала в первых рядах, и даже профессор по анатомии, которую народ ласково называл Фюрером, поставила Алине четверку с первого раза. Но сегодня все было иначе, и вовсе не из-за похмелья или провалов в памяти.

«Ты ведь больше у нас не работаешь». Алина чувствовала себя треской, которую браконьеры оглушили тротилом. Что-то сломалось внутри, и переставлять ноги или дышать было теперь сложнее, чем когда-то высчитывать молярную массу этилового спирта.

Вокруг суетились какие-то люди, но Алина оказалась в другом измерении. Вселенная неудачников – вот как оно называлось. Белкина брела вон из «Равенны», чавкая по февральской снежной каше, забыв и про то, что не успела сменить офисные туфли на сапоги, и про пальто, и даже, – мама прости! – про шапку. Потом остановилась – батарейки сдохли окончательно. Рухнула на скамейку ближайшей автобусной остановки, вытащила телефон и провод, подключилась к USB-розетке – слава Мосгортрансу – и онемевшими пальцами вбила в поисковик: «Вся правда о лекарствах. Шок-контент».

Долго ждать не пришлось, себя Алина узнала на первом же ролике. Запускать его и хотелось, и не хотелось одновременно. Белкину как будто позвали на опознание трупа ее карьеры, и вроде нужно было поднять простыню, прикрывающую обезображенные останки, но желудок уже скрутило в узел, а на лбу выступил предобморочный пот. Алина медленно выдохнула и ткнула в маленький треугольник на экране.

– Господин Пу... Пу... – Белкина из видео душераздирающе икнула и ухватилась за стойку микрофона, чтобы не упасть. – Пуджари немного опаздывает. Приносит свои, так сказать, изни... извинения. – Она попыталась сдуть прядь волос с лица, но вместо этого смачно выдохнула в микрофон, и тот запищал: – Конечно, это он зря так сделал. Наверное, подделывает очередной отчет по клиническим испытаниям. – На этих словах Алина почему-то зашлась диким хохотом, видно, собственная шутка показалась ей гомерически смешной. – Да ладно, ладно, шучу я. Тут же никто никогда эти отчеты не подделывает, – и она картинно подмигнула. – На самом деле старина Пуджари... Вообще-то мы зовем его просто Пупок. Ну знаете, он маленький такой... И важничает... Короче, он хотел рассказать вам про наш новый стимулятор этих... – она постучала по лбу, –

серотониновых рецепторов. На основе пять-гидрокситрипта... – На этом Алина застопорилась, не в силах совладать с губами. Размяла их, чтобы повторить, но тут же небрежно отмахнулась. – Да кому какая разница? Всем плевать, да? Такие таблетки, сякие таблетки... У нас тут этих таблеток жо... – Она замолчала и театрально шлепнула себя по губам. – Простите, пожалуйста. Ненаучненько. Анусом ешь, – и захихикала, довольная своим остроумием. – Они же все одинаковые. Все друг у друга тибрят, а? – Она погрозила зрителям. – А потом такие: «Мы вот тут по-другому намешали, в капсулу синенькую запихали – вау! Научный прорыв!» Вон «Байзер» сидят... Видали? Довольные, сучки. Сперли нашу разработку в том году? И типа такие первые выпустили. Выкусите! От этой хрени все равно изжога, тремор и неконтролируемая диарея. Да! И сыпь! Сыпь еще! Что, не верите, да? Не верите? Так я покажу... – И она схватилась за ремень на юбке.

Смотреть дальше было физически больно. Если бы Алина устроила такой цирк на семейном торжестве, ее родные бы от души повеселились – врачи способны оценить шутку, в особенности если шутят над фармацевтами. Если бы Алина вдруг опозорилась на корпоративе в «Викрам» – о'кей, было бы гораздо хуже. Пуджари бы долго дулся за пассаж про пупок, перевел бы ее куда-нибудь в самые низы или даже уволил, но она с легкостью устроилась бы к конкурентам. Но ее угораздило наломать дров именно там, где собрались все ее потенциальные работодатели. Теперь она не просто уволена. Теперь путь в мир фармацевтики для нее закрыт. Это безработный журналист всегда найдет себе пропитание. Там статейку напишет, тут рекламный слоган придумает... А кому нужен безработный провизор? Мет варить в подпольной лаборатории? Правду говорят: общаясь с дураками, вы неизбежно станете одним из них. Подумать только: она перечеркнула всю карьеру из-за какого-то несносного, наглого, инфантильного, самовлюбленного...

– Ты тут, случаем, не замерзла? – раздалось у Алины над головой как раз в тот момент, когда она рисовала в воображении упоительную картину четвертования Глеба. Возможно, если бы тогда, на первом курсе, на занятии по патанатомии вскрывали Глеба, Алина не сбежала бы в ужасе на фармфак и стала бы паршивой овцой в династии врачей.

Поначалу ей показалось, что голос Глеба прозвучал у нее в голове, но нет, во время четвертования людям положено вопить о пощаде, а не вести великосветскую беседу.

– Ты? – Из рта Алины вырвалось облако пара, похожее на метку «Пожирателей смерти». – Ты... – Она вскочила, стиснув кулаки так, что ногти впились в ладони. – Ты!

– Да я, я, – улыбнулся он. – Глеб, если ты забыла. Будешь беляш?

Алина никогда не страдала от вспышек ярости, но тут глаза заволокло кровавой пеленой, а фитилек терпения, который тлел с момента появления Глеба, догорел до конца.

– Ты! Мне! Жизнь! Испортил! – Она обрушилась на него с кулаками. – Скотина! Сволочь!..

Народу на остановке в воскресный день было мало, но те, кому все же посчастливилось попасть на бесплатное представление, явно не пожалели, что выползли из дома. Да что уж там, не на каждом бое ММА случается эдакое пекло.

Глеб носился вокруг остановки, хаотично прикрываясь руками, Алина же превратилась в машину-убийцу. Три круга она дышала ему в затылок, а на четвертом сумела выхватить пакет с беляшами, раскрутила как пращу – и запустила в соперника. Стоит отдать Глебу должное: увернуться он успел. Пакет смачно шлепнулся о щит с рекламой фитнеса и сполз вниз по бронзовому телу красотки-модели.

– Кто ж так с едой обращается? – возмутился местный бомж, словив добычу в миллиметре от земли. Деловито заглянул внутрь и покачал головой: – Нет, ну надо! Взяли и все измяли!

Впрочем, это не заставило бомжа отказаться от трофея. Бережно свернув беляши, он взял их, как кулек с младенцем, и бодро почесал к теплотрассе, чтобы насладиться трапезой.

– Довольна?! – просипел запыхавшийся Глеб. – Ты уничтожила мои инвестиции!

– А ты еще под кайфом, да? – Алина хотела было вломить ему еще разок, пока он приводил в порядок прическу, но передумала. Зачем тратить силы на наркомана,

когда неизвестно еще, какую профессию придется осваивать в ближайшее время? И грузчикам, и дворникам требуется недюжинный запас физической силы.

– Понятия не имею! – Он одернул пиджак, и только теперь Алина заметила, что под пиджаком у него нету даже футболки. Точно под кайфом! – Хочешь, в баночку тебе пописаю?

– Кретин.

Может, он просто пускал ей пыль в глаза вчера? Вел себя как мажор, хвастался какой-то модной тачкой... Как там ее... «Феррари» или «Тесла»... А сам приперся на автобус с пакетиком беляшей. Хорош сын олигарха, ничего не скажешь!

– И что ты тут вообще делаешь? – Алина ехидно скривилась и скрестила руки на груди: отчасти от холода, отчасти потому, что такая поза лучше всего подходит для злорадства. – У твоей «Теслы» батарейки сели?

– «Тесла»?! – Глеб поморщился. – Я что, веган? У меня «ламба»... – Он вдруг осекся и добавил севшим голосом: – Была.

«Ламба»! Алину будто молнией прошибло на месте. Конечно, «ламба»! Она ведь всегда хорошо запоминала слова, шутка ли – выучить энциклопедию лекарственных средств от и до? Она еще подумала вчера: «Как можно этот пижонский спорткар назвать словом, похожим на «лажа», «мамба» и «жаба» одновременно?» Только Глебу она это сказать не успела, потому что он тащил ее на парковку, чтобы похвастаться тачкой. Еще шантажировал: мол, будешь плохо себя вести – не покатаю. А она и не собиралась кататься! Из ума она, что ли, выжила? Он был пьян в дым, и сесть в его машину было бы сущим самоубийством! Разумеется, она и его отговаривала. А он шел, спотыкаясь, и на голубом глазу уверял, что за рулем чувствует себя увереннее, чем на своих двоих. При этом он решил продемонстрировать Алине обе ноги и ожидаемо растянулся на асфальте. И она хохотала до слез, до колик... Ей даже показалось, что ее вывернет от смеха, а Глеб вскочил, перекинул ее через плечо и потащил к машине. И зачем-то попросил погуглить, где ближайший строительный магазин.

Да, этот кусочек пазла Алина теперь видела отчетливо, будто заново прожила пару минут вчерашней ночи. Одного она не могла понять: почему он говорит про

«ламбу» в прошедшем времени? Неужели случилось нечто ужасное? А если это Алина в итоге села за руль и теперь Глеб хочет спросить с нее за ущерб? Она не разбиралась в ценах на машины, но что-то ей подсказывало: за битую «Ламборгини» ей не расплатиться, даже если работать без выходных лет семьдесят.

– Эй, слышишь меня? – Глеб подергал Алину за рукав. – Ты не в курсе, какой тут автобус до метро идет?

– Сто шестой, – влезла бабулька с сумкой на колесиках. – Еще двадцать восьмой ходил троллейбус, так они его убрали, теперь маршрутку сделали. Все разворовали! И я им еще должна пятьдесят пять рублей...

– Кошмар! – Алина оттащила Глеба подальше от эксперта по ворам и инфляции и на всякий случай понизила голос: – Мы что, вчера разбили твою машину?

– Нет, ее папа забрал... В смысле, ключи... – Он округлил глаза. – А ты что-то помнишь?! Была авария? Я ведь не садился за руль?!

– Точно не помню... Но собирался. В строительный, кажется.

– Куда?! Зачем мне вообще строительный?!

– Меня спрашиваешь? – Она нахохлилась: шок мало-помалу сходил на нет, и от февральского холода заныли кости.

– Фак! И ты меня не остановила?! – Он запустил в волосы пятерню и шумно втянул носом воздух. – Твою мать, Алина! А если это я въехал в отель и все им там раскурочил?!

– Я бы не удивилась. – Белкина вытянулась на цыпочках, вглядываясь в поток машин в надежде увидеть заветный номер автобуса.

– Что ты натворила? – Глеб загородил собой вид на трассу. – Ты же знала, что я выпил! Это безответственно!

– Что именно? – С каждой секундой Алина зябла все сильнее, губы немели и едва слушались. Зато похмельный туман рассеялся, и промороженный мозг мыслил ясно как никогда. – Бухать как не в себя?!

– Давай без нотаций, мне отца хватило! – простонал Глеб. – Все из-за тебя... Он ведь все отобрал! И кредитку, и даже мою девочку... Мою «ламбу»... Как я теперь должен выкручиваться?

Алина бы снова ударила Глебу, но, во-первых, руки окоченели, а во-вторых, у остановки показался наконец долгожданный транспорт. Не ответив Глебу ни слова, Белкина запрыгнула в дохнувшее тепло чрево автобуса. А потом плюхнулась на свободное сиденье у окна, чувствуя, как кровь оттаивает и снова струится по венам.

– Что, совесть мучает? – Глеб нагло ворвался следом.

Алина прикрыла глаза. Молчание – золото. Вот промолчала бы вчера на конференции, сидела бы сейчас в ресторане отеля, ела бы пряный суп, попивала горячий кофе с корицей... А что теперь? Сидит, пытаюсь согреться, потому что храбрости не хватает вернуться в гостиницу за пальто, пока там Пуджари. Да еще и этот мажор ноет на ухо. «Ламбу» у ребенка отобрали – ни дать ни взять катастрофа вселенского масштаба!

– Нечего сказать, да? – не унимался он, усаживаясь рядом. – Хорошо, тогда говорить буду я. Ты – эгоистка! Ясно? Э-го-ист-ка! Я из кожи вон лез, чтобы тебя развеселить. Да у тебя, может, в жизни больше такого праздника не будет! А ты даже не могла открыть рот и сказать: «Не садись за руль, Глеб!»

– Иди ты к черту, Глеб! – прорвало Алину. Она начнет упражняться в молчании и терпении, обязательно. С завтрашнего дня. – Праздник он мне устроил! В гробу я такие праздники видала, ясно? Мне это твое веселье стоило карьеры! Чем ты меня накачал?

– В смысле?.. – Он явно опешил.

– Ну да, от твоих колес ведь память отшибает, – Алина надсадно рассмеялась. – Как удобно! Давай я тебя просвещу. После того как ты мне всучил наркоту, я пошла на конференцию и опозорилась так, что меня не просто уволили. Меня

больше ни одна нормальная фармкомпания не наймет! Так что вот тебе мой совет: хочешь жить – не попадайся мне на глаза. Никогда! Слышишь? – Она вскочила и протиснулась мимо Глеба к выходу.

– Стой! Я ж не знал... Реально фигово вышло...

– Да неужели! – Она уже не смотрела на него, а гипнотизировала через окно приближающуюся остановку.

– Но есть и свои плюсы! – Он ухватился за поручень чуть повыше ее руки.

Автобус качнуло при торможении, и Алину на секунду прижало к Глебу. Точь-в-точь как вчера в его номере... Стоп! А что было вчера в его номере?! Бежать! Бежать от него куда подальше! Этот человек опаснее сектантов и коллекторов, вместе взятых! Господи, когда уже откроются эти двери?

– Мы теперь оба свободны и можем заняться бизнесом вместе! – Глеб широко улыбнулся. Прямо как ипотечный менеджер, когда тот протягивает клиенту кабальный договор и ручку. – Я как раз подумывал открыть свое дело, могу взять тебя на борт! А, что скажешь?

– Спасибо, воздержусь. – Алина сбежала по ступенькам на улицу.

– Не хочешь – не надо! – крикнул Глеб ей в спину. – Убегать-то зачем?

– Потому что здесь метро.

Алина обернулась, наблюдая, как двери схлопываются у Глеба перед носом, как он испуганно колотит в стекло, а автобус увозит его дальше и дальше... И на долю секунды этот паршивый день стал чуточку лучше.

– Макс, братишка! – Глеб подпер плечом косяк и улыбнулся другу, стараясь выглядеть как можно беспечнее, что было затруднительно: махровые отельные тапки насквозь промокли, челюсти постукивали друг о друга от холода, штаны испачкались во время побега от контролеров.

– Треш! Тебя что, пытали в обезьяннике?! – Максим в шоке отпрянул, и Глеб воспользовался этим, чтобы проскользнуть в квартиру.

– Да не был я ни в каком обезьяннике! – Он сбросил тапки и с наслаждением встал на теплый пушистый коврик. Никогда не понимал, зачем они нужны, а теперь вот очень радовался, что его друг-подкаблучник разжился такой пошлятиной. – Так, с отцом траблы. Я перекантуюсь у тебя пару деньков?

– Слушай, тут такое дело... – Макс понизил голос и воровато оглянулся: – Я пока не особо...

– Мася, это мой курьер? – донеслось откуда-то сверху, и Глеб обреченно закрыл глаза. Говорят ведь: «как гром среди ясного неба». Так вот, в случае с Ксюшей лучше бы это был гром.

Тяжело смотреть, как нормального парня планомерно превращают в эдакую невразумительную Масю без пола и права голоса. Нет, поначалу Глеб боролся за товарища самоотверженно и отчаянно: знакомил Макса с другими девушками, устраивал интервенции, таскал по клубам – все без толку. Пришлось сдаться, чтобы быть с другом до самого его печального конца, держать за руку до последнего свободного вдоха. До свадьбы то бишь. И все-таки каждый раз, когда Ксюша появлялась в радиусе ста метров, Глеба встряхивало, как на электрическом стуле.

Она спускалась по лестнице во всем своем белоснежном великолепии. Белый спортивный костюмчик, белая маска на лице, белые носочки. Словом, не женщина, а песок. Глеб ведь не раз предлагал Максиму сводить эту чокнутую к психоаналитику! Сперва Глебу казалось, что она просто манипулирует Максимом, своими белыми нарядами намекает на предложение. Но все оказалось куда хуже: кольцо ей вручили полгода назад, а она продолжала самозабвенно косить под снежную бабу. Да еще и уютную двухэтажную квартиру Макса переделала под себя. И барабанную установку убрала, и гитары со стены, превратила все в долбаную палату для умалишенных.

– Боже, уйди с моего коврика! – выпалила она, едва заведя Глеба.

– Я не Бог, но так и быть. – Он выдавил вежливую улыбку и встал на холодный мрамор.

– Мась, он опять надо мной издевается! – капризно заканючила Ксюша, и от ее скорбной мины маска отклеилась и безвольно повисла на щеке. – И коврик теперь сдавать в химчистку...

– Глебыч, братан, давай в другой раз, а? – Макс виновато сунул руки в карманы и приподнял плечи.

Со стороны казалось, что он пытается втянуть голову внутрь туловища. Если это и есть любовь, то ее явно изобрели в преисподней. Глеб бы и сам ушел с превеликим удовольствием, лишь бы не видеть страданий друга. Одна проблема – идти ему было некуда.

Из отеля пришлось сбежать – за номер папа заплатит забыл. Ключ от квартиры остался на брелоке от «ламбы». И что-то Глебу подсказывало: сейчас ехать к отцу с просьбами было не лучшей идеей.

Девушка, которую Рудаков подцепил пару недель назад, встала в позу. Мол, не перезвонил, скотина, сначала заслужи прощение. Дура. И Глеб поехал к Максиму. Рассчитывал, что после роскошного мальчишника тот хотя бы из благодарности приютит лучшего друга. Но, видно, просчитался.

Конечно, Глеб мог бы поехать еще к кому-нибудь из пацанов. Вот только тогда ему пришлось бы опять выйти на улицу, рискуя околотить насмерть на ближайшей обочине. И почему он не устроил Максиму вечеринку в Майами? Или в Сочи, на худой конец? Ах да. Потому что Ксюша ни за что не отпустила бы Масью так далеко из-под своего каблука. Точнее – из-под белых носочков.

– Макс, у меня сейчас полный ахтунг. Отец отобрал вообще все бабло. Карту, «ламбу», ключи от хаты... Не, я могу свалить. Но если сдохну от холода, буду к тебе каждую ночь во сне приходить. И душить... – Глеб потянул к Максиму окоченевшие пальцы, и тот отшатнулся.

– Ладно, – буркнул Макс. – Дай мне пять минут.

Он тряхнул плечами, будто боксер перед боем, натянул заискивающую улыбку и шагнул к невесте. Глеб стоял от них всего в паре метров, но все же не смог разобрать, о чем там мямлил Макс. Чревовещал что-то умоляюще, почти не раскрывая рта, и хлопал глазенками. Глеб чуть лоб себе не расшиб ладонью: чувство испанского стыда за друга прямо-таки зашкаливало. Нет бы стукнул кулаком по столу, мол, Глебыч мне как брат родной, и если тебя, швабра, что-то не устраивает, пакуй свое белое шмотье и чеши в закат.

– На одну ночь, – вынесла наконец вердикт Ксюша. – Сам ему постелишь. Только пусть моется в гостевой ванной.

Смерив незваного гостя брезгливым взглядом, она развернулась, мотнув кормой, и пошла обратно на второй этаж.

– Братан, если ты вдруг передумаешь жениться, только скажи, – шепнул Глеб Макс, когда снежная баба скрылась на вершине лестницы. – Я тебя увезу и спрячу.

– Да нормальная она. Просто злится, потому что я с мальчишника вчера поздно пришел. И пьяный был... – Макс вдруг замер и принялся. – А чем от тебя воняет? Аж плакать хочется.

– Это метро, братан. – Глеб хлопнул друга по плечу. – Поверь, если б ты туда попал, ты бы реально разревелся.

Рудаков никогда не думал, что сможет радоваться таким простым вещам, как горячая вода и ароматические палочки. Вроде еще с утра он жил своей обычной жизнью и не задумывался о том, как хорошо быть богатым. Но всего полдня без денег и несколько поездок в общественном транспорте, а такое ощущение, что он нищенствует целую вечность. Если отец хотел преподать Глебу урок, то ему это удалось. Жестокий, правда, вышел урок, но Рудаков-младший усвоил его на «отлично». Ценить деньги и все такое. Скорее бы только папе это доказать... Миллион – это ведь не шибко много, если подумать. Так, скромные каникулы на Мальдивах. На мальчишник Макса, кажется, ушло меньше.

– Макс! – Глеб резко сел в ванне, расплескав пену. Его гениальной идее позавидовал бы сам Архимед.

– Только не говори, что ты слив засорил! – курчавая макушка показалась в дверном проеме.

– Спокуха, все с твоими сливами в порядке. – Глеб указал другу на унитаз. – Падай, есть у меня к тебе одно дельце.

Макс без особого энтузиазма покосился на Рудакова и островки его коленок над белой пеной, но потом все же присел на крышку.

– В общем, я знаю, как тебе помочь, – деловито начал Глеб.

– Вроде это тебе была нужна помощь...

– Это с какой стороны посмотреть. Женишься-то ты... Но спокойно. Я организую тебе свадьбу. В лучшем виде.

– Ты?! – Макс ошалело уставился на друга. – Ты что, где-то догнался после вчерашнего?

Глеб сдержал приступ раздражения. Многие гении казались современникам безумцами. Наверное, когда Билл Гейтс сидел в своем гараже и создавал будущее, к нему тоже приходили вот такие неверующие друзья, выпучивали глаза и интересовались, накидался старина Билл или его просто шарахнуло гаражной дверью.

– Я чист, как этот кафель, – терпеливо произнес Рудаков, растягивая слова. Надо быть снисходительнее и дать Максиму время переварить предложение. – Мы оба знаем, что лучше меня вечеринки в этом городе не устраивает никто. Я – король вечеринок.

– Ну-у... – В голосе Макса прозвучала оскорбительная нотка сомнения.

Как коротка людская память! Будь Глеб в суде, он бы зал заседаний забил доказательствами под завязку, под самый потолок! И все участники процесса, от

прокурора до присяжных, рыдали бы потому, что им ни разу еще не довелось побывать на Глебовой вечеринке. Считай, вся жизнь насмарку.

Вот взять лето две тысячи пятнадцатого. Кто устроил знаменитую битву шампанским? Или караоке-баржу на Москве-реке в две тысячи семнадцатом? А зомби-хеллоуин или вечеринка «обмен полами», когда девушки наряжались в парней и наоборот? Что ни праздник – то историческое событие! Да что там далеко ходить: только вчера состоялся роскошный похоронный мальчишник. Что конкретно там происходило, Глеб так до сих пор и не вспомнил, но плохую тусовку он физически не мог устроить. Если уж за что брался, то всегда делал на совесть.

– Скажешь, тебе вчера не понравилось? – Глеб стиснул зубы.

– Да не, все круто было, – поспешил заверить Макс. – Так ведь это... Мы с пацанами думали, тебя копы забрали...

– За что?

– А ты не помнишь? Да ты чего! «Охотники за привидениями»! – Макс коротко хохотнул. – Мы так ржали, когда ты въехал на той тележке в дверь...

Тележка... Глеб зажмурился, перебирая поврежденные файлы внутренней памяти. Мутные картинки всплывали друг за другом хаотично, но собрать их воедино не получалось. Тележка была, да. Кажется, из супермаркета, но строительного. Большая такая. Сначала они с Алиной привязывали ее к бамперу «ламбы». А потом вдруг – провал, и уже следующее воспоминание: Глеб мчит на ней, сжимая в руках какой-то шланг. Осколки, осколки... Да, они хотели въехать в дверь, но на льду тележку занесло... Так вот почему в фойе не было стеклянной стены!

– Слушай, ты умеешь развлекаться, я ж не спорю. – Макс замялся, и Глеб сразу понял, что дальше последует «но». – Но свадьба... Чувак, если б это была наша с тобой свадьба... Ну, не в этом смысле, а как братанов... Типа «братьба» или вроде того... Я ж только за! Но там ведь и мои родители будут, и Ксюшины... И куча маминых коллег из Минтранса...

– А что они, не люди, по-твоему? И не заслужили нормально оторваться на свадьбе? Без вот этих тупых ледяных скульптур и ведущего кавээнщика?

– Вообще-то Ксюша... То есть мы... – Макс отвел взгляд. – Мы хотели стендапера... Ну, Эрика Саакяна. Помнишь, он еще в КВН был?

Глеб закатил глаза и съехал по спинке ванны под воду. И этого человека он считал своим другом! «Мы». Так мог бы называться самый жуткий хоррор всех времен и народов про то, как безумный ученый взял отличного парня и девушку с замашками диктатора, а потом сшил из них одно большое чудище с двумя головами. Посередине была бы голова девушки, а то, что осталось от парня, торчало бы у чудища из-под мышки и разевало рот раз в год по большим праздникам.

– И потом, у нас уже вроде как есть организатор, – добил друга Макс. – До свадьбы-то всего два месяца... Но я точно не уверен, этим Ксюша занимается.

Глеб вынырнул, отплевываясь, и протер глаза. Да, перед ним сидел все тот же Макс Гороход. Старина Макс, с которым они учились в МГИМО, с которым ездили в летний швейцарский лагерь. Можно сказать, прошли огонь, воду и горнолыжные трассы. И вот сейчас, когда действительно понадобилась его помощь, и не какая-то там благотворительность, в конце концов, Глеба ведь не занесли пока в Красную книгу, а баш на баш, Гороход сидит тут и бормочет про армянских кавээнщиков.

– Ладно, ты домывайся тогда... – Макс встал и по стеночке выскользнул из ванной.

Глеб со всей злостью саданул по кафелю. Настроение скатилось в такую дыру, что по сравнению с ней Мариинская впадина показалась бы скромной ямкой в песочнице. Тысячу рублей на беляши он уже потратил, а других бизнес-планов пока не придумал. Может, натырить у Ксюши ароматических палочек и продавать их грустным людям из метро? Может, они и грустные такие всего лишь оттого, что не нюхали ничего приятнее друг друга?

Идея показалась Глебу печальной, но на всякий случай он несколько палочек все же припрятал в карман халата. Как знать? Если с сегодняшнего дня его жизнь покатила под откос и от него по очереди отказались отец и лучший друг, то

завтра и вовсе не стоит ждать ничего хорошего.

Впрочем, Макса, в отличие от Рудакова-старшего, явно мучило чувство вины. Из ванной он встречал Глеба как призера-олимпийца: накрыл стол, пиво подал в запотевших бокалах, повесил на спинку стула чистую одежду. Вообще-то Гороход был невысок и телосложением напоминал жука-водомерку, а потому его спортивные штаны едва доставали Глебу до середины икр, а задницу обтягивали как велосипедки, но пришлось довольствоваться тем, что дают. Ощущение тепла и сухости и сэндвич с копченой индейкой отчасти вернули Глебу благостное расположение духа, и он решил дать другу еще один шанс.

Устроившись поудобнее на гостевом диване, Рудаков подождал, пока Макс укроет его пушистым пледом, – белым, само собой, – положил щеку на ладонь и, разглядывая отсветы от торшера на потолке, задумчиво произнес:

– Знаешь, даже лучше, что твоя Ксюша сама контролирует свадьбу. Конечно, это будет нудное мероприятие, но девчонки такое обожают. Салфетки, открытки, цветочки... Пусть развлекается. Считай, это наш ей подарок.

– Ну... Спасибо, наверное. – Макс уже собрался уйти, но Глеб похлопал рядом с собой.

– Не благодари, братан! Это же выгодно нам обоим! Вот смотри: все придут на эту вашу свадьбу, и такие: «Господи, да тут же мухидохнут! Нет, когда мы будем жениться...»

– Кто – мы? – Гороход наморщил лоб, как когда-то на экзамене по макроэкономике.

Глеб вздохнул. Макс всегда соображал туго. И если бы ректор не был его крестным отцом, то пять лет института встали бы семейству Гороходов в круглую сумму.

– Да кто угодно! На свадьбу все ходят парами, просто по определению! – Глеб стремительно терял терпение: как можно не видеть очевидного? Хоть в картинках изображай! – Если не притащить с собой плюс одного, тебя весь вечер будут жалеть как последнего лузера. А еще этот букет невесты... Свадебная цепная реакция, Макс! Как вирус герпеса. Кто-то в компании подхватил –

переболеют все.

– Слушай, я понимаю, тебе хреново. Вся эта история с батей... Но при чем здесь свадьба? Может, тебе лучше выспаться?

– Это же отличный бизнес! – не выдержал Глеб.

– Тихо ты! – шикнул Макс и обернулся, словно в его квартире повсюду были натканы «жучки» и шпионские камеры. – Ксюша медитирует.

– Но бизнес-то правда отличный! – Глеб послушно перешел на шепот и даже не стал шутить про медитации. – Ты, я, ивент-агентство. Будем партнерами, а? Кучу клиентов наберем у тебя на свадьбе!

Воображение Глеба заработало на всю катушку. Он явственно представлял себе, как на унылом торжестве Макса люди засыпают от скуки под бородатые репризы ведущего. Какие-нибудь звезды восьмидесятых, заезженная программа – тоска! И тут Глеб в божественном свечении софитов подруливает к измученным антрекотом гостям и протягивает свою визитку. Мол, если вам когда-нибудь захочется устроить себе или своим детям нормальную свадьбу, то обращайтесь в агентство Рудакова и Горохода. И все такие: «Рудаков? Подождите, а не тот ли вы Глеб Рудаков, который устроил легендарную битву шампанским в две тысячи пятнадцатом?» Глеб, конечно, снисходительно кивнет, и деньги хлынут на него лавиной. Сарафанное радио разнесет весть о небывалом устроителе вечеринок, отца замучает совесть, он позвонит и спросит, не заработал ли Глеб свой первый миллион. «А миллиард не хочешь?» – услышит Рудаков-старший в ответ, и следом короткие гудки.

– Глеб, ты вообще меня слушаешь? – Макс бесцеремонно лопнул мыльный пузырь волшебных фантазий. – У меня уже есть работа! В Минтрансе, меня мама устроила.

– Мама устроила, – передразнил Глеб. – И что, ты будешь вечно ставить штампики на дорожных развязках?

– Мы вообще-то сейчас планируем ТПУ...

– Это ты ТПУ на всю голову! Как можно упускать такую возможность? Сам посуди! Торчать под маминым крылом или начать уже свое дело? Повзрослей, Макс!

– Кто бы говорил! – возмутился Макс и вскочил. Первый раз Глеб видел друга таким сердитым. Не иначе попал в нужную точку! Так, глядишь, скоро и возмужает!

– Лично я как раз этим и занимаюсь. – Рудаков вальяжно закинул руки за голову.

– Тебя просто заело, потому что батя у тебя деньги отобрал! Еще и меня за собой решил потянуть. Нет уж, спасибо! – Макс фыркнул. – Весь этот твой бизнес – детский сад! Ни один дурак тебе не доверит свадьбу!

Глеб медленно приподнялся на локтях и прищурился. Вот она, человеческая зависть в чистом виде! Уж конечно, самого Макса-то никто бы в здравом уме королем вечеринок не назвал. Еще бы! Ни ума, ни фантазии! Да если бы не Глеб, Гороход бы вообще не узнал, что такое настоящие развлечения. Сидел бы, наверное, у мамы своей на работе, клеил машинки из бумажек и катал их туда-сюда по столу, изображая ртом шум мотора.

– Если ты не доверяешь, то это не значит, что все остальные такие же подкаблучники!

– Ни фиги! Просто все твои вечеринки – самая настоящая катастрофа!

Это был уже удар ниже пояса.

– Да ладно! – Глеб швырнул плед на пол и тоже вскочил. – Ты же сам всегда на них веселился больше всех!

– Я приходил, чтоб тебя не обидеть! – парировал Макс.

– А битва шампанским? – Глеб встал напротив друга, не собираясь уступить ни на йоту в этой словесной дуэли.

– После нее у троих было воспаление легких! Ты же ее в апреле устроил! В открытом гольф-клубе! – набычился Гороход.

– А зомби-хеллоуин?

– Нас с Лахтиным копы завернули, потому что приняли за бомжей! – Макс отбивал каждый выпад, как будто заранее готовился, и Глеб даже растерялся слегка, но вовремя опомнился и вытащил из рукава козырного туза.

– Но обмен полами-то крутой был? А? Забыл, как тебя в том синем платье аж три девчонки пытались склеить! Ты же был звездой вечера!

– Ага, круче некуда! – Макс хмыкнул. – Если не считать того, что после вечеринки Вадьку какие-то гомофобы избили на заправке! И «Порш» его чуть не спалили!

Ах так?! Ну что ж. Ты сам напросился. Лови джокера, детка.

– Мальчишник. – Глеб скрестил руки на груди. После такого на рэп-баттлах положено говорить «раунд».

– Ну да, тут тебе повезло, – сдался Макс. – Мы успели свалить до копов, и никто не пострадал.

Глеб уже раскрыл рот, чтобы воскликнуть: «Съел!», но вдруг осознал, что пострадавшие на мальчишнике все же были. Та девушка, Алина. Ее ведь уволили, так она сказала? Да и видок у нее был скверный, сидела на остановке потерянная и несчастная, как собачонка из приюта на акции «Возьми себе друга». Глеб не помнил наверняка, давал ли он ей какую-нибудь запрещенку, зато отлично помнил, что там, в фойе отеля, при первой встрече, она произвела на него сильное впечатление. И вовсе не своей заурядной внешностью, а какой-то внутренней тоской. Глаза у нее были грустные, и этот взгляд накрепко въелся в память Глеба, как красное вино в мамин итальянский ковер. Работать в субботний вечер! Тот индус вообще слышал о том, что рабство отменили? Алина все бегала, суетилась, улаживала какие-то проблемы, и Глебу захотелось подарить ей немного легкости и веселья, всего-то навсего! Чего такого она могла натворить, чтобы ее уволили после этого? Глупости. Наверняка тот индус просто раздул из мухи слона, у них ведь в Индии вообще сплошные слоны, куда ни плюнь. Вот будь Глеб начальником Алины, уж он бы ее ценил.

– Мася! – слышалось сверху. – Иди спать, тебе завтра вставать рано!

Макс тут же рванул с места, и у Глеба пропало всякое желание что-то ему доказывать. Без балласта делать бизнес даже проще, а Гороход еще локти грызть будет. Бедолага не вылезает из-под юбок: на работе – маман, дома – невеста с замашками Муссолини.

Стараясь не слушать, как на втором этаже Ксюша обстреливает Макса командами, Глеб укутался в плед и уже было закемарил, как вдруг телефон заверещал пожарной сиреной. Точно! Они же вчера играли в «Охотников за привидениями», видно для пущей атмосферности Глеб сменил рингтон. На экране высветился незнакомый номер.

– Да? – зевнул в трубку Глеб, ожидая услышать про очередную невероятно выгодную акцию в центре красоты и здоровья или, на худой конец, про липовую службу безопасности банка из мест не столь отдаленных. Но голос из динамика лишил Рудакова остатков сна.

– Сынок, ты в порядке? – Мамин дрожащий шепот с трудом можно было разобрать сквозь шум воды.

– Да. А ты где?

– В ванной! Чтобы папа не слышал. Купила новый телефон, придется его потом выбросить... – В трубке что-то зашуршало. – Сейчас, продиктую тебе адрес, записывай...

– Какой адрес?! Зачем тебе выбрасывать телефон? – Глеб напрягся. Мама всегда была паникершей, но до паранойи пока не скатывалась.

– Папа в бешенстве, никогда его таким не видела. Запретил мне с тобой связываться и давать денег... А я как подумаю, что ты там совсем один, голодный... – Мама всхлипнула. – Но ничего. Поживешь пока у моей подруги. Помнишь тетю Илону?

Само собой, никаких тетей Глеб не помнил. Рудаков-старший друг жены не переваривал и домой просил не водить. От женской болтовни у него неизменно

портилось настроение, начиналась мигрень и обострялась хроническая ворчливость. Поэтому мама всегда встречалась с «девочками», – так она называла своих ровесниц, – вне дома. То они устраивали себе выходные в СПА, то мотались по театральным премьерам и прочим операм с балетами. И всякий раз мама считала своим долгом доложить Глебу свежие сплетни: у тети Веры родился внук, сын тети Лены снялся в клипе Шнура... Глеб и обычные-то новости никогда не смотрел, а тут его внимания и вовсе хватало на «ой, я тебе сейчас такое расскажу...». Дальше – белый шум и пустота.

– Не очень, – уклончиво отозвался Глеб.

– Ну как же! Илона Веригина! Папа еще ее терпеть не может!

Уточнила так уточнила. Списком людей, которых Кирилл Андреевич Рудаков не выносил, можно было обмотать земной шар как минимум дважды. И маминны подруги от первой до последней стояли во главе этого списка.

– Мам, я у Макса сейчас, все нормально. Если хочешь помочь,ними мне лучше номер в гостинице! Или миллион подкинь, а папе скажи, что я его на беляшах заработал.

– Не могу! Он предупредил, что будет отслеживать мои траты и, если я хоть копейку на тебя потрачу, он и мне заблокирует карты. – Мама тяжело вздохнула. – Ты пойми, он волнуется за тебя...

– Странный способ это показать, – отрезал Глеб.

Больше всего в этой ситуации его бесило, что мама оправдывает отца. Ясно же, что человек с катушек слетел. Неужели нельзя было хоть раз в жизни пойти поперек его воли? Сама ведь возвела его на пьедестал, а Глебу теперь расхлебывать.

– Все утрясется, слышишь? – Мамин голос дрогнул, будто она сама в это слабо верила. – А пока поезжай к тете Илоне, вот прямо завтра утром. Она, конечно, своеобразная, но вы поладите, я уверена.

Настала очередь Глеба тяжело вздыхать. Если уж мама сама назвала эту мадам своеобразной, то у нее определенно не все дома. Впрочем, не зря ведь Макс сказал: «Ни один дурак тебе не доверит свадьбу». Дурак, может, и не доверит, а вот одинокая богатая дама с кучей тараканов – запросто. Если не свадьбу, то какое-нибудь другое мероприятие. Женщин ведь хлебом не корми, дай что-нибудь отметить. Глеб как следует присядет ей на уши, вытянет деньжат, а там уж и Алину наймет. Она еще Бога благодарить будет, что из-за Глеба лишилась своей унылой фармацевтической работы у этих индийских рабовладельцев. А благодарные девушки способны на такое, что аж мурашки по телу.

От этой мысли Рудаков-младший улыбнулся, потом повернулся на другой бок и уснул так сладко, как уже давненько не засыпал.

Глава 4

Алина честно собиралась рассказать родителям про увольнение. Сначала за ужином, но тогда отцу начала названивать пациентка. Очень боялась, что у нее швы после коронарного шунтирования разойдутся. Только Пал Семеныч ложку ко рту поднесет – звонок.

– А если я на бок лягу? А если сяду? А руки вверх поднимать можно? А вот у меня что-то покалывает, может, приедете посмотрите?

Пал Семеныч скрипел зубами и упражнялся в человеколюбии. Отключить телефон он не мог, заблокировать ипохондричку – тоже. Блатная.

– Достала эта потребительская психология, – ворчал он, шевеля усами и откупоривая подарочный армянский коньяк. – Сделали из нас обслуживающий персонал! Клиент всегда прав, только что сопли ему не подтирать. Вот сам бы Меламед ее и оперировал! Жена, видите ли, главного инфекциониста.

Беззвучно выругавшись, доктор Белкин крякнул, опрокинул в себя рюмку и поморщился.

– Опять сэкономили, – он повел плечами, словно у него по спине бегали назойливые насекомые. – К чертям собачьим такую благодарность.

Словом, хуже момента для признательных показаний было и не придумать. Нет, хорошо, конечно, что сегодня у отца на столе никто не умер, тогда Пал Семеныч ходил бы чернее тучи минимум неделю. И все же Алина решила не приправлять папин коктейль «плохой день» терпким разочарованием в дочери и отложила разговор до утра.

Однако народная истина «утро вечера мудренее» дала сбой. На сей раз Вселенная зашла через маму.

– Я ведь ей только вчера предложила проколоть пузырь! – донеслось с кухни в половине пятого утра. Потом загромыхали кастрюли, будто мама вдруг вспомнила об упущенной карьере повара и решила немедленно наверстать. – Паша, где кофе?

– А можно не орать?! Алинка спит! – Отцовская забота бы прозвучала куда трогательнее, не кричи Пал Семеныч вдвое громче супруги. – У меня операция утром!

– А у меня роды! Сейчас! С тазовым предлежанием! – От родительского консилиума Алину не спасала даже подушка, плотно прижатая к ушам.

– Матерь Божья, почему я должен все это терпеть?! – возопил отец. – Алина! Алина! У тебя есть что-то от мигрени? У меня от твоей матери голова раскалывается!

– От коньяка у тебя голова раскалывается! – парировала Марина Олеговна. – Алина, дай своему отцу таблетку, должна же от тебя быть какая-то польза в хозяйстве! Или тебе уже и образцы не доверяют?

Вот как было после такого сообщить про увольнение? «Мне не только образцы, мне и работу ассистента теперь не доверяют!» – так, что ли? Алину и без того считали самым бесполезным членом семьи, рудиментом великой династии медиков. Шутка ли: дед был известным на весь союз профессором-пульмонологом и получил от властей не только кучу премий, но и квартиру в сталинском доме. Бабушка героически лечила от лучевой болезни ликвидаторов

аварии на Чернобыльской АЭС, а прадед навеки вписал фамилию Белкиных в историю военно-полевой хирургии. Алине достался не просто набор генов, а настоящий джекпот, который она благополучно профукала. И единственным способом загладить свою вину после этого было выдать отцу таблетки из запаса бесплатных образцов.

– Не обращай на нее внимания. – Пригоршня анальгетиков сделала Павла Семеныча терпимее и благосклоннее, даже его усы выглядели уже не такими колючими. – Это все стресс. Надо было ей тоже в провизоры идти! Ну а что? Работка у тебя – не бей лежачего. Ни ответственности, ни пациентов. Смысла в ней, конечно, тоже особого нет, так хоть платят исправно. Знай себе таблетки впаривай. Да? – И отец, ласково втоптав остатки Алининого достоинства в паркет, повернулся на другой бок.

Алина вздохнула. Так было всегда. Фирменный стиль отца. Он то ли себя успокаивал, то ли утешал дочь, но получалось не слишком воодушевляюще. С тем же успехом он мог бы говорить смертельно больным пациентам: «Вам осталось два месяца. Зато представьте, сколько ваши родные на квартплате потом сэкономят! Да и жена больше пилить не будет – одно удовольствие!» И Алина вроде уже привыкла к этому, раньше она бы даже не обратила внимания на сомнительные комплименты отца, но сегодня... Сегодня она почувствовала себя полным ничтожеством.

Впрочем, Павлу Семенычу и этого показалось мало. Избавившись от головной боли и жены – что для него было явлениями одного порядка, – он впал в благостное расположение духа и, не успела Алина снова уснуть, весело забарабанил ей в дверь:

– Вставай, соня! – пробасил он из коридора. – Я подкину тебя на работу. Ты же не хочешь опоздать?

Алина застонала. Если уж отец твердо вознамерился причинить кому-то добро, сопротивляться было бесполезно. Она и в обычные рабочие дни предпочитала метро – слушать, как Пал Семеныч сорок семь минут к ряду ругает дорожные службы, водителей и городские власти, и вдобавок дышать дымом от его фирменных самокруток всегда было развлечением экстремальным. А уж терпеть это безо всякой цели, чтобы только лишний раз напомнить себе, что в «Викрам Фармасьютикалз» она теперь персона нон грата, – казалось и вовсе приглашением к суициду.

Она попыталась поначалу сопротивляться. Сослалась на изжогу и дурное самочувствие, но семья медиков не та публика, перед которой можно симулировать.

– Думаешь, гастрит или язва? – отец задумчиво закрутил кончики усов. – Ну, завезу тебя тогда к Виноградовой. Сделаешь ФГС, поглядим, чего там как...

Между глотанием кишки и бесцельным катанием по городу Алина, не колеблясь, выбрала последнее. Пару раз по дороге она порывалась сказать отцу правду, но чем ближе они подъезжали к ее бывшему офису, тем сильнее таяла всякая решимость.

В карме Белкиной будто разверзлась зияющая дыра: она чувствовала, что позорное выступление на форуме прицепилось к ноге как пушечное ядро и тянет ее вниз, а следом стремительно катится в пропасть вся жизнь. Мироздание ополчилось на Алину. Возможно, в той своей пьяной речи она умудрилась оскорбить каких-то древних богов? Иначе как объяснить, что отец припарковался аккурат возле машины господина Пуджари? Причем с самим Пуджари внутри?

Едва завидев знакомое лицо – этот смуглый лик совести, – Алина резко согнулась и вжала лицо в колени, мечтая целиком уместиться под бардачком.

– Ты чего? – раздался у нее над ухом голос отца. – Может, все-таки на гастроскопию?

– Я... Потеряла... – Она лихорадочно перебирала в памяти, что бы такое можно было уронить в колени. – Сережку!

– У-у-у, – протянул Пал Семеныч, – так ты ничего не найдешь! Давай вылезай, а я посвечу фонариком.

Алина осторожно приподняла голову: Пуджари, как назло, торчал у своей машины и суетливо шарил по карманам. Белкина зажмурилась. Опять потерял ключи! Это происходило настолько часто, что дальнейшее развитие событий она могла бы предсказать с точностью ясновидящей. Сначала он вывернет карманы штанов, потом – своей парки, которую словно специально под Вассермана шили.

Минут двадцать будет, ругаясь на индийском, выкладывая на капот всякий мусор – миллион скомканных бумажек с каракулями, каждую из которых Пуджари оберегал как священную корову. Потом психанет, позвонит Алине... То есть уже не Алине, а, наверное, секретарше или какой-нибудь новой ассистентке, та придет и обнаружит ключи на водительском сиденье. А все потому, что ключи Пуджари неизменно клал в задний карман штанов, и те неизменно вываливались оттуда при каждой попытке сесть.

Ждать так долго Алина не могла, пришлось бы объясняться с отцом. Но и выйти тоже не могла: шеф бы напомнил про увольнение, устроил разнос, и тогда опять же пришлось бы объясняться с отцом. Это была даже не дилемма, а самый настоящий тупик.

– Ой, а там вон не твой босс? – Пал Семеныч вытянул шею и радостно заулыбался, заметив господина Пуджари. – Надо пойти поздороваться.

Нет, ну надо же! А ведь только что Алине казалось, что хуже уже не будет!

– Это... Это не он... – проблеяла она, сосредоточенно копошась в сумке, чтобы спрятать лицо. – Слушай, я, кажется, пропуск забыла. У нас с этим строго...

– Да нет, точно он! – Пал Семеныч сдвинул брови на переносице. – Я же помню, что был индус...

– Это расизм, пап! Неужели для тебя все индусы на одно лицо?

– Нет, но... – Маститый кардиолог заметно смутился и разгладил усы. – Вообще-то было же исследование насчет идентификации лиц другой расы... Так что вполне себе научно доказано...

– Так и знала. Ты расист. – Алина выдохнула, словно перед ней высветилась спасительная зеленая табличка «выход». – Вместо того чтобы пялиться на этого совершенно незнакомого случайного индуса, ты бы лучше подбросил меня до метро. Сгоняю за пропуском и...

– Никакой я не расист! – завелся Пал Семеныч. – Чтоб ты знала, у нас на факультете учились трое студентов по обмену из Индии и двое из Пакистана! И

я, между прочим, никогда их не путал!

– Как скажешь, но мой пропуск...

– Я вообще-то очень даже толерантный! – Отец уже не слышал Алину. Споры были его любимым видом спорта. – И чтобы тебе это доказать, я пойду и помогу ему. – Он положил руку на дверь машины.

– Что?! – опешила Алина. – Как?! Зачем?

– Не видишь, он что-то потерял. Может, его ограбили!

Алина хотела возразить, но, пока она выдумывала аргумент поувесистее, папа уже вышел из машины. Теперь Белкиной оставалось только одно: смириться и взглянуть в лицо своей гибели. Шумно втянув носом воздух – ведь недостаток кислорода снижает устойчивость к стрессу, – Алина вылезла следом. Несмотря на февральский холод, ей казалось, что под ногами у нее не снежная каша, а самая что ни на есть кипящая лава.

– Никто меня не грабил!.. – донесся до Белкиной возмущенный голос господина Пуджари. – Я потерял ключи. Но, может, их и украли... – В эту секунду индус запнулся, увидев Алину. – Ты? Ты же у нас больше не работаешь!

– погоди, так ты его знаешь? – насторожился Пал Семеныч и повернулся к Пуджари: – Вы ее босс?

– Бывший! – мстительно уточнил тот.

– Алина, что происходит?! – Усы Павла Семеныча воинственно ощетинились.

Ну вот и все. Отец с детства учил ее: «Умей проигрывать». Нет, сам-то он, разумеется, не проигрывал никогда, но всякий раз, выигрывая у дочери в шахматы, затевал свои утешительные нотации о том, что, мол, если не дано тебе освоить умные стратегические игры и твой потолок – шашки, то будь добра, прими этот факт с достоинством. И вот сейчас Алина поняла: настал момент воспользоваться отцовским советом. Приподняла подбородок, будто готовилась уложить шею на гильотину, открыла рот и...

- Вот ты где! А я уже полчаса тут бегаю, ищу тебя!

Спасение пришло откуда не ждали. Глеб выскочил из-за соседней машины так внезапно, что Алина растерялась. Она не знала, чего хочет больше: поколотить его за разрушенную карьеру или обнять за то, что он предотвратил неприятные разборки.

- Прости, пап, мне надо бежать. - Она клюнула отца в щеку. - Это по работе.

Жалкие несколько метров отделяли ее от свободы. Вот столечко, пара секунд, - и больше никаких вопросов. Но нет. Глеб замер как вкопанный, игнорируя ее сигналы и подмигивания, и с интересом уставился на Павла Семеныча.

- Папа? - чертов мажор расплылся в улыбке и протянул руку. - А я Глеб Рудаков.

- Приятно, как говорится, Пал Семеныч. - Отец с энтузиазмом стиснул ладонь Глеба. - Вы с моей Алинкой коллеги, да? Давно вместе работаете?

Алина чуть не застонала. Сейчас Пуджари, конечно, скажет, что впервые видит этого чудика в коротких штанишках и уж точно не нанимал его в «Викрам Фармасьютикалз». И Глеб добавит что-то вроде: «Камон! Зачем вам работать, надо чилить на вайбе!» Так ведь у этих богатых недоносков принято говорить? Ну и чтобы уж совсем добить ее, Глеб наверняка расскажет забавную историю, как они познакомились и вместе упились в дымину, как накидались неизвестно какой наркотой, и тогда отец поедет в свое родное кардиологическое отделение, но уже не врачом, а пациентом.

- Вообще-то нет, - беззаботно произнес Глеб, и у Алины что-то оборвалось внутри. - Я ее только вчера нанял.

- Что?! - выдали хором Пал Семеныч и господин Пуджари. Да еще так ладно, как будто много раз репетировали.

- Ты не говорила, что сменила работу, - нахмурился отец.

- Я... Это произошло спонтанно... - Алина никогда не была поборницей лжи, но прямо сейчас мысль подыграть Глебу в его фантазиях показалась единственным

спасением. Пусть лучше папа думает, что она работает на какого-то сомнительного парня, чем узнает, кто со вчерашнего дня пополнил список безработных.

- Ты ушла к конкурентам? - Пуджари свирепо засопел. - И все это было... Заговор, да? Тебя перекупили?

- Никакой я не конку... - начал было Глеб, но Алина со всей силы вдавила каблук в его кроссовку. На сей раз намек был считан.

- Именно так, - надменно произнесла она и улыбнулась Глебу. - Пойдемте, покажете мой новый офис.

- Так я еще не... - машинально возразил он, впрочем, стоило Алине покоситься на его вторую кроссовку, Глеб резко отскочил в сторону. - Точно! Новый офис. И, кстати, он гораздо круче вашего.

- «Байзер»... - выдохнул Пуджари севшим голосом, и глаза его налились кровью.

Это слово в стенах «Викрам Фармасьютикалз» находилось под строжайшим запретом. Из всех своих конкурентов Пуджари больше всего ненавидел именно немцев. Считал, что они шпионят за ним, крадут его лучшие разработки. Он даже мат на рабочем месте готов был простить нерадивым сотрудникам, но только не упоминание «Байзера». И теперь эта паранойя сыграла Алине на руку. Конечно, репутация предателя ее не слишком радовала, но приятно ведь, когда тебя считают ценным кадром и верят, что крупнейшая немецкая фармкомпания не поскупилась переманить тебя в штат! Да и выбирать-то Алине было сейчас не из чего: либо предатель, либо профнепригодная пьянчужка.

Оставив удивленного отца и разъяренного Пуджари на парковке, она потащила Глеба прочь, пока он не успел наболтать еще каких-нибудь глупостей и все испортить. Признаться, еще вчера она думала, что их следующая встреча непременно закончится поножовщиной, но сегодня он умудрился отчасти исправить свою ошибку. И даже смотреть на его самодовольную физиономию было уже не так противно.

- Спасибо, - пробормотала она, когда отец и Пуджари исчезли из виду. - Считай, мы в расчете.

– Ты ведь в курсе, что я не из этого... Не из «Байзера»? – Глеб подозрительно прищурился.

– Я – да. Но им, – Алина кивнула в сторону парковки, – об этом знать необязательно.

– Понял. Значит, будешь работать на меня тайно. А что? В этом что-то есть. – Он улыбался так часто и профессионально, будто считал, что на него охотятся папарацци. Может, просто привык позировать перед камерами на светских раутах?

– Слушай, работать я на тебя не буду в любом случае. – Она заставила себя глядеть ему прямо в глаза и не обращать внимания на милые ямочки на щеках. – Ни ботинки тебе чистить, ни коктейли мешать, ни что там у тебя еще за вакансия...

– А как насчет топ-менеджера? – Глеб игриво подмигнул.

– Какого именно? – Алина замерла: на мгновение ей показалось, что он и вправду готов сделать ей достойное предложение.

– Это я еще не придумал. Ну, там, директор по маркетингу. Или по развитию. Хочешь, финдиректор... Да что угодно. – Он небрежно махнул рукой, словно перед девицей у шведского стола. Ни в чем, мол, себе не отказывай, крошка, банкет за мой счет. – Только чур не генеральный, им буду я.

– Ясно, – медленно произнесла она.

С такими психами ей еще не доводилось иметь дело. У Глеба была странная манера разговаривать: невозможно было понять, шутит он или серьезен как прокурор. То ли он действительно надумал делать бизнес на отцовские деньги, то ли это какой-то новый подкат. Прелюдия перед ролевой игрой или ролевая игра перед прелюдией – в сексуальных пристрастиях золотой молодежи Алина не разбиралась. И вникать в эту тему в ближайшее время не планировала.

– Давай так, – она похлопала Глеба по плечу, чтобы немного осадить и успокоить, – ты пока придумай, а я поеду домой. Дела поделаю, подготовлюсь к

собеседованию... Раз уж должность такая важная, – и она осторожно попятилась к метро.

– Но ты мне даже номер телефона не оставила... – вдруг опомнился Глеб. – Постой, ты что, издеваешься?!

Заметил все-таки. Да что ж за день-то такой!

– Господи, ты же не думал, что я реально влезу в твою авантюру? – Алина хмыкнула и, мотнув головой, развернулась, чтобы уйти.

– А у тебя есть выбор? – Глеб лихо обежал вокруг нее, преградив дорогу. – Я видел в интернете твое выступление на конференции. Не, ты, конечно, отожгла, но тебя теперь никто в здравом уме не наймет. Сама же говорила!

– Есть еще аптеки! Им по фигу, где я отожгла!

– Воу, вот это карьера! – Он театрально развел руками. – Прямо головокружительная! «Здрасте, у вас есть наша скидочная карта или социалка?» Да ты, наверное, с детства об этом мечтала!

– Представь себе, нет, – желание выбить из Глеба дурь вернулось с новой силой. – Но благодаря тебе это все, что мне остается! Пусти уже! – Алина попыталась отпихнуть его в сторону, но он схватил ее за руки.

– Не пущу! Слушай, я тут вообще-то пытаюсь все исправить! Я открываю свое ивент-агентство. Праздники, свадьбы, все такое. И мне нужен организатор вроде тебя. Ты ведь разбираешься в бронировании, бумажках и прочей скукотени? Ну вот! А развлекательная часть – на мне! Я даже платить тебе готов вдвое больше, чем этот индус. Правда, сначала мы должны выйти на прибыль...

– Ага, вот как выйдешь, так и поговорим. – Алина стиснула зубы и дернулась. Без толку. Руки у Глеба оказались неожиданно сильными.

– О'кей! Тогда иди к своему отцу и расскажи, почему ты больше не работаешь в «Викраме». – Он зловеще изогнул бровь. – Твой бывший шеф, думаю, здорово повеселится, когда узнает, что я не из «Байзера». – Он наконец разжал пальцы и

победоносно ухмыльнулся. – Ну, вперед! Устраивайся в аптеку, на биржу труда, куда хочешь!

Алина отшатнулась, как от пощечины. Зря она недооценила этого мажора! Человек, который привык получать все, что только вздумается, – страшный человек. Сколько раз она видела в магазине избалованных детей, которые катались по полу, верещали, били ногами, лишь бы только получить желанную игрушку! Видимо, когда такие дети вырастают, то из них получается Глеб Рудаков.

– Вот ты... Урод... – выплюнула она.

– И ты мне тоже очень нравишься. – Глеб, казалось, ни капли не обиделся. Любил, наверное, БДСМ и грязные словечки, потому что вид у него был такой, будто весь этот спор его только раззадорил. – Выбирай, Алина. Крутая должность в моей новой фирме, и можешь сколько угодно врать родителям, что ты фармацевт, или...

– Во-первых, я провизор! А во-вторых... Пошел ты к черту! – Алина одернула пальто и гордо зашагала к метро. Потом остановилась и бросила через плечо: – Ну? Мы едем смотреть мой новый офис или как?

– Босс! – Глеб догнал ее.

– Что?

– Не забывай называть меня боссом, – и он сбежал вниз по лестнице прежде, чем Алина успела сказать, как еще она могла бы его называть.

Глава 5

По правде говоря, никакого офиса у Глеба не было. Да и откуда бы ему взяться за одну ночь? Зато был адрес Илоны Ивановны Веригиной, маминой подруги, и Глеб решил коварно использовать Алину в качестве штурмана.

Нет, в приложении маршрут выглядел простым: на метро до Киевского вокзала, оттуда – на электричке до Переделкина. И еще на маршрутке минут десять. Но Глеб уже побывал однажды в общественном транспорте и вновь оказаться в этом человеческом блендере без сопровождающих желанием не горел. Кроме того, эта тетушка Илона наверняка обрадуется, что он скрасит ее одинокое существование, и за это выделит в своем доме уголок под офис. То есть формально Глеб перед Алиной почти не лукавил.

Конечно, трезвой Алина нравилась ему куда меньше, чем на мальчишнике. Она дулась всю дорогу вместо того, чтобы благодарить его и судьбу за роскошный шанс. И все же польза от нее, определенно, была. В подземке она чувствовала себя легко и спокойно, будто родилась где-нибудь на эскалаторе. Уверенно перла через толпу, лавировала по гранитным переходам между бабульками с сумками на колесах, не поднимая взгляда на указатели. Глеб даже хотел сделать ей комплимент, но, во-первых, побоялся отвлечься и потерять из виду спасительное синее пальто, а во-вторых, старался лишний раз не дышать экстрактом депрессии и нищеты.

– У тебя есть внятный бизнес-план? – поинтересовалась Алина в электричке.

Впервые за всю дорогу раскрыла рот, а Глеб не смог этого оценить. Он сидел на краешке кресла, стараясь не прислоняться к спинке, и, не мигая, таращился в заплеванное окно.

После метро он думал, что уже ничто не сможет удивить его. Но нет, вокзал превзошел все ожидания. Маленькая смерть – вот как Глеб описал бы свое путешествие. Может, Анна Каренина только потому и бросилась под поезд, что побывала на вокзале? Глеб никогда не считал себя ипохондриком и чистюлей, но теперь ему отчаянно хотелось погрузиться в хлорку с головой и на всякий случай еще насыпать вокруг себя круг пошире. И почему он забыл надеть крестик после сауны неделю назад? С ним сейчас было бы всяко безопаснее.

– Слушай, а нам не должны выплатить какую-то... Моральную компенсацию или вроде того? Как они вообще могут брать за это деньги? – Глеб протянул руку, чтобы ухватиться за Алину, но та посмотрела на него с таким ледяным отвращением, что он быстро передумал. Кто знает, на что способна девушка, которая не боится вокзального ада? Вот из таких людей и надо формировать отряды для горячих точек.

– С тебя, кстати, двести рублей за билеты. За свой счет я кататься не собираюсь. – Алина закинула ногу на ногу, явно наслаждаясь его беспомощностью. Возможно, брать в бизнес эту жестокую женщину было не такой уж хорошей идеей.

– Бизнес-план у меня простой. – Глеб старался не прерывать зрительного контакта с Алиной, чтобы на глаза снова не попала какая-нибудь дрянь вроде бомжа на картонке или дворника с лицом каннибала. – Придумать какое-нибудь мощное название, найти клиентов, а там сарафанное радио, и все дела. Поверь, у меня по части вечеринок такая репутация, что от заказчиков отбоя не будет.

– Гениально!

Ну вот, может же мыслить здраво, когда захочет! А еще упиралась, отказывалась... Давно пора было оценить всю глубину его креатива!

– А то, – Глеб даже расслабился немного и хотел тоже закинуть ногу на ногу, но задел необъятную клетчатую сумку столь же необъятной дамы и получил щедрую порцию ругани пополам с проклятиями.

– Это был сарказм, босс. – Алина и бровью не повела, видимо, у них в «Викрам Фармасьютикалз» подобные выражения входили в офисный этикет. – Раз уж плана у тебя нет, в чем я ни грамма не сомневалась, давай я обрисую, как это будет.

– Ты только не забывай, кто тут генеральный, – мстительно напомнил Глеб.

– Я буду работать на тебя до тех пор, пока не смогу найти нормальную вакансию по специальности, – продолжала она безо всякого уважения. Почему-то со своим Пуджари она разговаривала совсем другим тоном! Надо быть с ней построже. – Каждая минута моего времени, потраченная на тебя, будет платной.

– Ты что, таксистка? – Глеб попытался разрядить обстановку, но с чувством юмора у Алины дела обстояли еще хуже, чем с уважением.

– Мои условия: никакого алкоголя, наркотиков и... – Железная леди запнулась. – Ну, ты понял.

- Не-а. Сделай одолжение, проясни, - наблюдать за ее смущением было так приятно, что ради этого зрелища Глеб навернул бы еще пару кругов по Киевскому вокзалу. - Может, мы этот пункт еще и в трудовой договор внесем...

- Не надо. Я про интим, - буркнула Алина едва слышно.

- Что-что? Прости, очень шумно, - Глеб склонился к ней поближе.

- Секса не будет! - Она выпалила это так резко и громко, что умудрилась взбудоражить добрую половину вагона.

Тетка с клетчатой сумкой в ужасе отодвинулась от Глеба и вжалась в сиденье, словно он покушался на ее девичью честь.

- Сочувствую, чувак, - лысый мужик с огромной, как фасолина, родинкой под глазом пихнул Глеба локтем и окатил спиртовым амбре. - Они сейчас все такие привередливые, принца им подавай. Дуры!

- Ты кого дурой назвал, алкаш?! - возмутилась тетка.

- Женщина, можно не орать над ухом? - подал голос седовласый старичок с потрепанной книгой.

- А ты молча читай! Очки он нацепил, умник, тоже мне!..

Перепалка набирала обороты столь стремительно, что Глеб уже успел представить собственные похороны и раздавленного горем отца. Интересно, что он ответит, когда мама бросит ему в лицо: «Все из-за тебя! Глебушку убили сумкой, потому что ты бросил его на произвол судьбы...» И ведь правда неизвестно, до чего дошла бы разгоряченная давкой публика, если бы вдруг вагон не накрыло нестройными гитарными аккордами.

- Счастливого пути, уважаемые пассажиры, - прогремело из сипящего динамика, и Глеб увидел в дверях одноногого солдата. Металла в его орденах было столько, что любой увешанный цепями рэпер обзавидовался бы.

Интересно, как он прошел через рамки на вокзале? Сам Рудаков минут пять вытряхивал из карманов мелочь, и из-за этого образовалась пробка до самых турникетов. А уж сколько времени ушло, чтобы открепить каждый начищенный значок, трудно было и вообразить. Или этот солдат сегодня устроил в метро коллапс, или просто взял кордон с боем и в доблестном сражении с охраной вокзала потерял правую ногу.

– Милые зеленые глаза-а-а, – заголосил армейский Паваротти, раздирая струны в ключья. – А в глазах жемчужиной слеза-а-а...

Народ мгновенно забыл о ссоре, и Глеб уже подумал было, что сейчас вся агрессия его попутчиков обрушится на завывалу с гитарой, но какое там! Глаза тетки подернулись дымкой умиления, мужик с родинкой-фасолиной кивнул с уважением, мол, ты да я – последние бойцы в этой стране. И даже книжный дед зачем-то снял очки. Вероятно, чтобы лучше слышать, ему надо было хуже видеть.

Если бы состояние Глеба описывал маститый писатель, он выдал бы нечто вроде: «Рудаков был обескуражен до глубины души». Сам же Глеб выразился бы на этот счет короче, но куда менее литературно.

– Они что, издеваются? – прошептал он Алине, наблюдая, как одноногий собирает в пакет щедрые подаяния. – Он же шарашил мимо нот!

– Главное – с душой, – вздохнула та. – У нас любят сырых и убогих. Вот ты бы, кстати, сорвал куш. – Она оттянула узел шарфика, как будто ей стало душно. – Еще не поздно сменить род бизнеса. И пакетик могу дать...

Но Глеб уже не обращал внимания на издевку в ее голосе. Остекленевшим взглядом он следил, как поблескивают фианиты на ее тонком колечке. И нет, он вовсе не опустил до того, чтобы затеять ограбление. Просто этот жест и эти отблески он уже видел...

Заржавевшие мозговые шестеренки ворочались со скрипом, показывая Глебу потертые кадры воспоминаний. Он будто смотрел немое кино на старом проекторе: вот Алина убегает от него по узкому коридору. Вокруг бесконечные стеллажи, мелькают яркие ценники, этикетки, указатели. Сущее испытание для эпилептика! Заворачивает за угол... Вон она! Щеки горят, глаза светятся, ноздри

расширены... Набегалась. Но до чего хороша, а? Оттягивает воротник, чтобы охладиться, обмахивается, а колечко так и подмигивает. Наверняка она морзянкой передает: «Возьми меня, тигр!» Может, к черту эту люстру? Может, затащить искусительницу в отдел ковров и прямо там, на мягкой овечьей шкуре...

– Я нашла краскопульт. – Алина коварно улыбается. – Или ты все-таки испугался и передумал?

– Я?! – возмущается Глеб из прошлого. – Берем самый мощный! – вытягивает коробку с самого низа, на него обрушивается гора всякой всячины, и сквозь грохот доносится звонкий девичий смех.

– Эй, нам сейчас выходить! – Алина бесцеремонно прервала его путешествие во времени. – Тебя не укачало? Ты какой-то... Зеленоватый.

– Ты! – ошалело выдохнул Глеб. – Ты меня взяла на слабо!

– Что?! – Она моргнула. – Вообще-то это ты меня нанял! – Алина подождала, пока главный голос вооруженных сил соберет с публики по сто рублей искренней благодарности и укувыляет в следующий вагон, а потом встала. – Я в любом случае выхожу, а ты – как хочешь.

Глеб помедлил секунду – попытался сосчитать в уме, сколько прибыли приносят одни гастроли в электричке. Математика никогда не была его любимым предметом в школе, но даже скромных познаний Глебу хватило, чтобы прикинуть: месяца через два одноногий с легкостью сможет выкупить Олимпийский для сольного концерта.

Балансируя на грани зависти и недоумения, Глеб все же поспешил вслед за Алиной. Оставаться без нее в странной компашке любителей одноногости ему не улыбалось.

Но как только красномордая гусеница электрички уползла дальше на юго-запад, а стук колес стих, Глеб вернулся к допросу.

– Ты помнишь ту ночь? – Он заглянул Алине в лицо. Была бы под рукой яркая настольная лампа, он бы направил луч ей прямо в глаза. – Помнишь, как заставила меня купить краскопульт?

– Нет. – Она едва оторвалась от телефона. – Но если ты сохранил чек, можно попробовать вернуть... Так, нам на ту сторону. – Алина указала на мост над путями.

– Мы что-то натворили! С этим краскопультом! Я уверен! Еще Макс сказал, что мы играли в «Охотников за привидениями»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/soyfer_dar-ya/prazdnik-na-vyezde

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)